

191/2
Д. Д.
Л. Д. ЛЮБИМОВЪ

На рубежѣ новой Европы

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬШИ

ПАРИЖЪ

1930

06
10

Львів. Библиотека
АН. УРСР

~~13.517~~

Л. Д. ЛЮБИМОВЪ

На рубежѣ новой Европы

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬШИ

Др. О. Гацарук
Львів, 20-го вѣкѣ, 1930.

ПАРИЖЪ
1930

1140
Св. св. Б. Зем. и
мунд. сср. 1949

T3(4n)61

ОТЪ АВТОРА.

«Очерки современной Польши» были напечатаны въ «Возрожденіи». Выпуская ихъ теперь отдѣльнымъ изданіемъ, я отнюдь не думаю дать полную картину современной Польши, а лишь освѣтитъ организацію въ ней диктатуры, отношеніе Польши къ Россіи и положеніе русскаго населенія.

Послѣ моего отъѣзда изъ Польши тамъ произошли большія событія. Въ первыхъ моихъ очеркахъ, говоря о «полковничьей» диктатурѣ, я указываю, что переворотъ произойдетъ въ томъ случаѣ, если у «полковниковъ» хватитъ «духа» въ нужную минуту. Событія показали, что у нихъ хватило его на первый шагъ къ оформленію существующаго положенія вещей. Сеймъ распущенъ. Пилсудскій пожелалъ, наконецъ, официально стать во главѣ правительства.

Хватитъ ли у «полковниковъ» духа на строительство, на созданіе новой крѣпкой базы государства и окажутся ли неправы оппозиціонеры, говорившіе мнѣ, что власть «полковниковъ», по сущности своей, должна быть оккультной? — Объ этомъ судить еще преждевременно.

Я ѣхалъ въ Польшу съ лучшими намереніями, потому что всегда питалъ симпатіи къ полякамъ, и потому, что Польша является сейчасъ охранителемъ порядка на востокъ Европы. Но мнѣ кажется, что всякій русскій, попавшій на кресы, и увидѣвшій тамъ отношеніе власти ко всему русскому, не можетъ не испытать, будящихъ прежнюю вражду, чувствъ обиды и негодованія.

Гетто въ поѣздѣ. — Разговоры изъ другого міра. — Подъ Берлиномъ. — «Пиво, лемоняда». — Познанскіе офицеры.
— Пилсудскій и Богъ.

Польша начинается уже въ Парижѣ, на Сѣверномъ вокзалѣ — лишь попадаете въ поѣздъ. Польская рѣчь, русская и еврейская. Въ третьемъ классѣ настоящее гетто. На лѣто ѣдутъ въ родныя мѣста.

Поѣздъ двигается. Черезъ окна — парижскіе пригороды, а въ душныхъ, пыльных вагонахъ — восточная Европа. Въ Варшаву, въ Краковъ, дальше еще въ Луцкъ, въ Пинскъ, въ Ковель ѣдутъ эти люди. Разговоры ихъ напоминаютъ о другихъ поѣздкахъ, въ давно минувшіе годы. Приближаешься словно къ Россіи. Но здѣсь же въ вагонахъ, чувствуешь уже тотъ далекій, будто потусторонній міръ, который лежитъ на востокѣ, за рубежомъ послѣвоенной Европы.

Въ этотъ міръ, на мгновенье, вводятъ васъ вдругъ услышанные обрывки фразъ. Вотъ услась въ купе полная, рыхлая женщина, немолодая, съ хорошимъ, такимъ явно русскимъ лицомъ. Возвращается въ Саратовъ и скучно ей ѣхать туда. «Охъ, еще побыла бы заграницей, да мужъ зоветъ, нельзя, служить онъ тамъ».

Нѣсколько мѣсяцевъ жила она на Западѣ и все еще не перестала удивляться. Вынимаетъ большую булку и ѣстъ ее

петоропясь, съ остановками, видимо наслаждаясь каждым кускомъ. Говорить странныя здѣсь слова:

— Боже, какой у васъ чудный хлѣбъ! Видно, урожай былъ хорошій.

И столь же странныя слова произносить спокойнымъ голосомъ, словно самыя обыкновенныя вещи говорить, толстый, румяный американецъ:

— Черезъ два дня будемъ въ Москвѣ, — комнату съ ванной заказалъ, все въ порядкѣ.

**
*

Предхѣстья Берлина. Опять новый міръ. Читаю въ Парижѣ купленный журналъ: сплетни о людяхъ, тамъ знаменитыхъ, сплетни изъ кулуаровъ палаты и изъ кулисъ «Французской Комедіи». Смотрю въ окно — сверкающія бѣлизной, съ цвѣтными крышами, съ балконами въ зелени, высокія строенія, а за ними, сѣрыя, однообразныя громады заводовъ. Всего этого не было еще шесть лѣтъ назадъ.

— Дома для рабочихъ, — говорятъ мнѣ, — совершеннѣйшіе въ Европѣ.

И исчезаетъ увѣренность, подсознательная, въ каждого, кто свыкся съ Парижемъ вошедшая, будто люди, идеи, теченія и сплетни, о которыхъ я какъ разъ читалъ въ журналѣ — самое замѣчательное, самое достойное вниманія, изъ всего, что есть въ мірѣ.

А на вокзалахъ нѣмецкихъ городовъ смотреть на поѣзды. Загорѣлые юноши въ открытыхъ рубашкахъ и столь же крѣпки и радостны, улыбающіяся намъ, ихъ подруги.

**
*

«Пиво, лемоняда!» — протяжный крикъ на распѣвъ. Въ крикѣ — дѣтская удалъ, безпечность и такая близкая намъ мелодія. Збоншинъ, польская граница. Мальчикъ кричить, суетится, глаза у него хитрые, бѣгающіе.

«Панъ директоръ, — пиво, лемоняда!» Вспоминаю, —

уличные торговцы и извозчики всякаго кліента называютъ въ Польшѣ «директоромъ»: чисто національная страсть къ титулованію и врожденная почтительность.

Въ вагонъ входятъ люди въ синихъ мундирахъ, въ фуражкахъ, съ широкими ремнями на подбородкахъ. Роются въ вещахъ внимательно, со страстью.

Ночь, кое-какъ заснули. Вдругъ шумъ въ коридорѣ. Громкіе голоса, звенятъ шпоры. Мы въ Познани. Кондукторъ отворяетъ дверь.

— Потѣснитесь, панове.

— Да намъ и такъ тѣсно!

— Но это господа офицеры. Пане капитане, пане поручику — пожалуйста сюда, здѣсь для васъ потѣснятся.

Входятъ, прикладываютъ два пальца къ козырьку, — въ тусклыхъ мундирахъ, коренастые, жилистые, лица усталыя, невеселыя. Сколь отличны эти люди отъ загорѣлыхъ нѣмецкихъ юношей...

Польша — особое государство, и въ Польшѣ особый образъ правленія — объ этомъ вспомнилъ я, когда вошли познанскіе офицеры, а впервые ощутилъ отчетливо, взглянувъ на валявшійся на сидѣннѣ журналъ. Снимокъ — маршалъ Пилсудскій на отдыхѣ, въ Друскеникахъ, гуляетъ въ лѣсу, надо думать, любитъ природой. Читаю — «творецъ бесѣдуетъ съ Творцомъ».

Пыльнымъ, обветшалымъ показался мнѣ варшавскій вокзалъ.

— Пожалуйте, господинъ, — говорить по русски носильщикъ Онъ оразу понялъ по выговору, что я русскій. Но по-«москальски» не заговорилъ бы онъ десять лѣтъ назадъ.

Передъ вокзаломъ — хаосъ. Груды камней и изнуренные жарой рабочіе. — Это строятъ туннель, — объясняетъ носильщикъ. — На тринадцать километровъ сократить онъ железнодорожную линію. Не будь кризиса, давно бы кончили.

О кризисѣ я уже слышался въ поѣздѣ. Напуганно раз-

сказывали о немъ побывавшіе въ Польшѣ евреи. — Лодзинская промышленность почти стала, дѣль никакихъ, хлѣба мужикъ сбыть не можетъ, въ странѣ царить вексельная вакханалія, а налоги губятъ всякое предпріятіе.

Можетъ быть, это отъ усталости, но Варшава не радуется меня, какъ и вокзалъ, городъ кажется ветхимъ, нечищеннымъ.

Гостиница съ длинными, темными коридорами, темными комнатами съ плюшевой мебелью въ пятнахъ. Ничего словно не измѣнилось — типичная вокзальная гостиница русскаго города...

II

Кризисъ. — Портреты президента и «перваго маршала». —
Русскій языкъ. — Обѣдъ съ молодыми «полковниками». —
«Если нѣтъ того, что любишь, ну, такъ любишь то, что есть». —
— Свительскій смѣется.

Варшава разрослась. И за Мокотовымъ, и въ сторону Виланова тянутся новыя, чистенькія строенія. Обѣзжаю городъ на извозчикѣ, ихъ еще здѣсь достаточно. Движеніе увеличилось, больше автомобилей, больше людей на улицахъ, чувствуется уже столица большого государства. Но въ первомъ, утреннемъ впечатлѣніи было все же что то вѣрное. Я помню Варшаву въ послѣдній годъ русской власти и во второй годъ независимости, — и вотъ, не узнаю ея теперь, не чувствую прежняго, радостнаго варшавскаго настроенія.

Какъ скромно одѣты варшавянки, какой сѣрый, будничный видъ у варшавскихъ обывателей!

— Что, хорошо живется? — спрашиваю извозчика.

— Хорошо? Да развѣ можетъ хорошо житься при кризисѣ?

Кризисъ, видимо, у всѣхъ здѣсь на устахъ. И проносятъ это слово съ нѣкимъ почтеніемъ: въ Польшѣ, кризисъ вписанъ въ умахъ съ большой буквы.

Черезъ пустую Саксонскую площадь, нынѣ площадь Пил-

судскаго, гдѣ нѣкогда подавлялъ городскую перспективу, пышностью и тяжестью своихъ формъ, православный соборъ, подъѣзжаю къ старинному дворцу графовъ Брюлей, обновленному и выбѣленному — министерству иностранныхъ дѣлъ.

Показываю рекомендаціи отъ парижскихъ польскихъ друзей и отъ парижскаго посольства. Трое молодыхъ людей принимаютъ меня — совѣтники министерства изъ трехъ различныхъ отдѣловъ.

На стѣнѣ два огромныхъ портрета — я потому ихъ видѣлъ во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ. На первомъ, лѣвомъ — президентъ Рѣчи Посполитой, Игнатій Мосцицкій, во фракѣ и лентѣ Бѣлаго Орла, добродушный и представительный; на второмъ, правомъ — насупленный старый шляхтичъ, правлящій Польшей.

Портретъ Юсифа Пилсудскаго красовался и десять лѣтъ назадъ въ польскихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, но висѣлъ онъ по лѣвую сторону, по правую, былъ Падеревскій. Власть маршала, тогда «лишь» Начальника Государства, никому, кромѣ его окруженія, не казалась еще посланной Богомъ для спасенія Польши. Въ фуражкѣ, въ кителѣ, безъ погонь, безъ единого ордена, глядѣлъ со стѣны, бывший водитель революціонныхъ отрядовъ. Маршальскіе погоны украшаютъ теперь его плечи, грудь — въ звѣздахъ и крестахъ.

**
*

Молодые совѣтники внимательны чрезвычайно. Старая польская любезность жива у представителей новой власти.

Говорятъ со мной исключительно по-русски, хотя я и понимаю и даже могу объясняться по-польски. Къ тремъ часамъ приглашаютъ обѣдать.

До трехъ, много времени — вижу старыхъ знакомыхъ.

— Какъ времена мѣняются, — говорятъ мнѣ. — Вотъ и разберитесь въ польской политикѣ. Восемь лѣтъ тому назадъ, вашу мать и вашего отца, вмѣстѣ со всѣмъ Краснымъ Крестомъ, выслали поляки по требованію большевиковъ, а теперь

съ вами — спеціальнымъ корреспондентомъ «Возрожденія» — любезничаютъ чиновники министерства.

— Помилуйте, — сообщаютъ мнѣ, узнавъ имена молодыхъ совѣтниковъ, — да вѣдь это вліятельнѣйшія люди, «полковники», «пѣовяки», каждый либо былъ въ легіонахъ, либо въ П. О. В., ну, да, «Пѣову» — «Польска организація войскова» члены которой и въ Россіи, и въ Австріи, и въ Германіи считались измѣнниками передъ государствомъ — гвардія Пилсудскаго. Болѣе удачно не могли попасть.

Предупреждаютъ: — Никогда не обращайтесь вниманія на должность даннаго чиновника, а на то пилсудчикъ ли онъ, а если да, то какого, такъ сказать, ранга.

**
*

Захожу въ магазины. Удивляюсь, какъ охотно говорятъ по-русски. Но вѣдь это и понятно. Ненависть къ русскимъ, «русская опасность» не «актуальны» — какъ выражаются здѣсь. По ту сторону границы — не Россія, а — «Большевія», рѣдко какой полякъ назоветъ СССР — Россіей. А въ концѣ концовъ о чемъ напоминаетъ Россія среднему польскому обывателю? Несомнѣнно о временахъ, когда можно было на дѣло найти капиталъ, легко заработать, и не страшиться вѣчно описи за неуплату налоговъ.

Сколько разъ, во время моей поѣздки, вспоминая о былыхъ годахъ, поляки мнѣ говорили:

— Хорошія были времена!

Вѣдь для поляка, «счастливое довоенное время» связано волей, неволей, съ русской, австрійской или нѣмецкой властью.

**
*

Обѣдъ съ пилсудчиками въ «Оазѣ», знаменитомъ теперь въ Варшавѣ, ресторанѣ.

— Вотъ тутъ происходятъ всѣ «оргіи полковниковъ», о которыхъ кричитъ оппозиція, — говоритъ мнѣ смѣясь одинъ

изъ совѣтниковъ. — Вѣдь у насъ про правительство всякую дрянь писать можно — свобода печати.

Въ Польшѣ спиртная монополія. Нынѣшней русской водки не знаю. Казенная польская водка несомнѣнно лучшая въ буржуазной Европѣ: безъ малѣйшаго привкуса. Ледяная водка подъ ледяной, нѣжно-розовый «хлодникъ» съ раковыми шейками. Цыплята въ тѣстѣ и салатъ со сметаной. Польское пиво прекрасно. Въ широкихъ, низкихъ, бокалахъ, вдвое больше чѣмъ для шампанскаго, искрится, пѣнится пиво передъ глазами.

Пока разспрашиваютъ меня. Мои собесѣдники удивительно освѣдомлены о нашихъ, русскихъ, парижскихъ дѣлахъ. Интересуются малѣйшей подробностью, каждымъ новымъ теченіемъ.

Очередь за мною. Обстановка располагаетъ къ откровеннымъ разговорамъ. Спрашиваю:

— Объясните мнѣ толкомъ, кто такіе «полковники»?

Смѣются.

— Вы хотите знать про наше движеніе — «санацию»? Само слово значить оздоровленіе. «Полковники», на самомъ дѣлѣ элита, которая группируется вокругъ маршала, чтобы провести оздоровленіе страны.

Замѣчаю: чиновники, а говорятъ — «наше движеніе»!

— Да нѣтъ же. Цѣль вашего движенія — другой вопросъ. Я хочу выяснить въ первую очередь, фактическую организацію польской власти. Почему, напримѣръ, начальникъ восточнаго отдѣла, г. Голувко, столь же вліятеленъ, какъ и министръ и, увѣряютъ, по русскимъ дѣламъ сносится непосредственно съ маршаломъ? Или почему, начальникъ канцеляріи премьера, г. Шетцель, вліятельнѣе многихъ членовъ правительства?

— Вы только запутаетесь. насъ называютъ мафіей, но не заблуждайтесь — нѣтъ у насъ ордена. Или вы думаете, мы какъ масоны дѣлимся на градусы?

— Но предположимъ на минуту — орденъ существуетъ, — въ какомъ градусѣ окажется премьеръ Славекъ?

— Въ высшемъ.

— А Голувко и Шетцель?

— Ну, тоже въ высшемъ — теперь...

— А вы сами, господа?

Снова смѣются. — Градусы у масоновъ величина постоянная. А смотрите, у насъ сегодня одинъ имѣетъ вліяніе, а завтра, другой. Во главѣ всего — маршалъ.

Въ этихъ молодыхъ людяхъ — радующая объективнаго наблюдателя самоуверенность и то нѣчто, такъ точно описанное Толстымъ, что замѣчается во всякомъ словѣ, во всякомъ дѣйствіи у людей, близкихъ къ власти.

**

«Кви-про-кво» — оппозиціонное кабаре, да, оппозиціонное, потому что въ Польшѣ, на оппозиціонныхъ и «санационныхъ», дѣлятся и банки, и кабаре, и чуть ли не носильщики на вокзалахъ.

Такіе маленькіе театры наиболѣе посѣщаются. Варшавской оперетки фактически уже нѣтъ — выродилась и не имѣетъ успѣха. Въ маленькихъ театрахъ выступаетъ любимица прошлой и новой Варшавы — Мессаль.

Номера программы очень удачны и несомнѣнно художественны. «Жанръ» несуществующій въ Парижѣ: злободневные скетчи, прекрасно разыгранные. Три темы: еврейскіе анекдоты, кризисъ и «полковники». Надъ «полковниками» смѣются язвительно, но какъ то беспомощно по существу — это сразу чувствуется — словно смѣются надъ своимъ горемъ, безсиліемъ.

Коронный номеръ. Человѣчекъ въ еврейскомъ костюмѣ жалобно напѣваетъ пѣсенку съ припѣвомъ:

«Если нѣтъ того, что любишь, ну такъ любишь то, что есть».

Онъ мечтаетъ о красивыхъ женщинахъ, но самъ онъ не-

взрачень, и бѣденъ. Увы, приходится быть вѣрнымъ мало привлекательной женѣ, что подѣлать, — разъ иначе нельзя: «если нѣтъ того, что любишь, ну такъ любишь то, что есть». Рядъ еще примѣровъ изъ повседневной жизни и, наконецъ, — хотѣлось бы имѣть правительство нормальное, какъ въ другихъ добродѣтельныхъ государствахъ, а вмѣсто того, какая то неудобоваримая и малопонятная комбинація, но.... «если нѣтъ того, что любишь, ну такъ любишь то, что есть».

Мой спутникъ, русскій, давно живущій въ Варшавѣ, говоритъ мнѣ:

— Вы на этотъ припѣвъ не обратили вниманія. Но помните мои слова: проживете въ Польшѣ — поймете, что въ немъ разгадка всего здѣшняго внутренняго положенія.

А посмотрите, въ той ложѣ, какъ веселится Свитальскій.

Полковникъ Свитальскій, первостепенный «полковникъ» и бывшій премьеръ, дѣйствительно, смѣется отъ души.

— Очень поучителенъ для васъ смѣхъ Свитальскаго. Пилсудчики искренне презираютъ оппозицію и только смѣются надъ критикой. Свитальскій даетъ вамъ сейчасъ прекрасный примѣръ «полковничьей» самоуваженности.

И вотъ, что я вамъ еще скажу. Въ прошломъ столѣтіи была знаменита во Франціи такая карикатура на третью республику: на приемѣ въ Елисейскомъ дворцѣ, президентъ ведетъ подъ руку толстую, уродливую женщину въ фригійскомъ колпакѣ; въ разступившейся парадной толпѣ шепчутся — «et dire qu'elle etait si belle pendant l'Empire...» Повѣрьте, будь у поляковъ больше ироніи, здѣсь появилась бы такая же карикатура на независимую Польшу, казавшуюся столь прекрасной, во времена нашей и австро-германской власти.

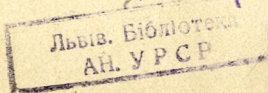
III

Правящий орденъ. — За столомъ «полковниковъ». — Полковникъ Адамъ Коць. — Чего хотятъ пилсудчики. — Въ сеймѣ. — Зловѣщія слова. — Нѣтъ программы. — Пилсудскому все позволено.

Диктатура суживается. Отошелъ отъ нея Бартель, который умѣлъ еще кое-какъ стовариваться съ сеймомъ, ушло уже изъ «Безпартійнаго блока» сотрудничество съ правительствомъ, такъ называемаго «Бебе», нѣсколько депутатовъ-крестьянъ. Правятъ сейчасъ коренные «полковники». Они — даютъ приказы разношерстнымъ элементамъ «Бебе», куда входятъ и консерваторы, близкіе къ монархизму, и социалисты, отколовшіеся отъ партіи, но сохранившіе большую долю правотворной социалистической программы.

Исследовать механизм «полковничьей» власти, проникнуть въ тайну его — увлекательнѣйшая задача.

Кто эти люди? — Все почти бывшіе легионеры, или «пэ-
вьяки». Примкнувших со стороны въ шутку называютъ 4-й
бригадой, потому что всего бригадъ легионеровъ было три.
Люди, выпедшіе изъ самыхъ разныхъ слоевъ, прошедшіе су-
ровую школу легионовъ и подпольныхъ организацій, познавшіе
науку заговора, умѣніе примѣнять хитрость и силу, науку
склонять людей на свою сторону и мстить врагамъ, люди спо-
собные желать до конца.

Люди, не останавливавшіеся ни передъ какими средствами во имя великой цѣли, революціонеры, друзья нашихъ террористовъ, часто работавшіе съ ними заодно, но стремившіеся прежде всего къ польской независимости, жизнь свою отдававшіе за Польшу, а не за социализмъ.

Любопытно ихъ прошлое. Всегдашній сподвижникъ Пилсудскаго, нынѣ помощникъ его, какъ главнаго инспектора арміи, ген. Рыдзъ-Смиглый, — живописецъ. (Рыдзъ — это подпольная кличка, большинство двойныхъ «полковничьихъ» фамилій такого же происхожденія); полк. Свитальскій — учитель; нынѣшній премьеръ, полк. Славекъ, — террористъ, раненый, при изготовленіи бомбы, густая его борода скрываетъ, избороздившія всю нижнюю часть лица, раненія; министръ труда и социальнаго обезпеченія подполк. Присторъ имѣетъ пятилѣтній каторжный стажъ въ Россіи; комендантъ Варшавы, полк. Венява-Длугашевскій, — поэтъ; министръ внутреннихъ дѣлъ, ген. Славойскій-Складковскій, — врачъ-акушеръ.

Вѣрные люди Пилсудскаго. Изъ той же среды черпаетъ маршалъ исполнителей своей воли, насаждая ихъ постепенно, сверху до низу, на всѣ должности.

Вся армія нынѣ въ его рукахъ. Заслуженные генералы русской или австрійской службы — въ отставкѣ. Царствуютъ легіонеры, успѣвшіе за эти десять лѣтъ научиться военному дѣлу въ высшихъ военныхъ школахъ, подъ руководствомъ французскихъ генераловъ.

Но чистка еще продолжается. Все болѣе строги требованія, все уже кругъ людей, допускаемыхъ на высшіе посты.

Въ министерствахъ люди Пилсудскаго тоже царствуютъ, но среди чиновниковъ ихъ насажденіе не удалось провести столь же систематично, какъ въ арміи. Людей не хватаетъ и нужны все же кое-гдѣ спеціалисты. Но потому часто столоничальникъ изъ легіонеровъ вліятельнѣе своего директора департамента.

«Санација» — оздоровленіе. Быть можетъ, правъ Пилсуд-

скій, признавая этихъ людей — наиболѣе способными безкорыстно править, любя родину превыше всего, и править покорно его волѣ.

Польшей править орденъ, но орденъ своеобразный, небывалый, ибо неоформленный. Фактъ несомнѣнный — вопреки утвержденіямъ правой печати, ордена, какъ организаци, нѣтъ.

Этотъ формально несуществующій, но всемогущій орденъ образовался тоже по признаку исключительному. Въ основѣ его — поклоненіе маршалу, возвеличеніе его имени, его миссіи. «Полковниками» называютъ его членовъ потому, что большинство высшихъ легионеровъ оказалось при майскомъ переворотѣ въ чинѣ полковника. Орденскую степень — градусъ каждаго «полковника» можно опредѣлить лишь по одному признаку — степени близости къ Пилсудскому. «Полковники» первой степени, это тѣ, съ кѣмъ лично и регулярно говоритъ Пилсудскій, и покуда съ ними говорить. Отъ нихъ идутъ развѣтвленія. А внизу: масса въ нѣсколько сотъ тысячъ человекъ; стрѣлковыя союзы — смѣна.

Казалось бы — власть Пилсудскаго огромна. Власть его велика, даже — чрезмѣрна, но видѣть въ ней сильнѣйшій, чуть ли не единственный рычагъ польской государственности — значить не проникнуть въ самую сущность организаци «полковничьяго» правленія.

— Маршалъ сталъ уже мифомъ, — говорилъ мнѣ одинъ изъ лѣвыхъ оппозиціонеровъ, — не онъ царить, не онъ лично объединяетъ, а какъ бы его духъ, идея, слившаяся съ его личностью. Заслуги его? — Онѣ невѣсомы. Что сдѣлалъ онъ особеннаго, когда былъ начальникомъ государства? Пилсудчики сами «выдумали» его, чтобы имѣть на кого опереться.

Въ этихъ словахъ — несомнѣнная доля истины.

Въ мистической силѣ имени Пилсудскаго, спайка ордена. Это камень, на которомъ орденъ воздвигнуть. Не Пилсудскій, какъ личность, а Пилсудскій, какъ идея, можно сказать, какъ символъ, поставленъ на верху орденской пирамиды.

«Полковники» первой степени — тѣ, кто разговариваютъ съ Пилсудскимъ, т. е. тѣ, кто удостоивается подниматься на верхъ, этой орденской пирамиды. А Пилсудскій не разговариваетъ съ каждымъ. При Бартелѣ, онъ, военный министръ, лишь въ исключительныхъ случаяхъ прѣзжалъ на засѣданія кабинета, а нѣкоторыхъ министровъ вовсе отказывался принимать. Бывало, по нѣскольکو недѣль запирался онъ въ суровомъ зданіи Суворовскаго кадетскаго корпуса, нынѣ — главнаго инспекторіата арміи, и видѣлъ только начальника своей канцеляріи, полковника Бека, который, тогда становился вторымъ человѣкомъ въ Польшѣ. А между тѣмъ, все шло своимъ порядкомъ... Въ орденѣ, даже неоформленномъ, важна прежде всего идея.

Но что это за идея и какова высшая цѣль ордена?

**

На площади Пилсудскаго, лицомъ къ памятнику Понятовскаго, и къ могилѣ неизвѣстнаго солдата, — кафе «Европейской гостиницы». Въ немъ одинъ столикъ извѣстенъ всей Варшавѣ. Когда нѣтъ за нимъ никого — неизмѣнно поставлена надпись: «занятъ». Это столикъ «полковниковъ» — такъ всѣ его здѣсь называютъ. За нимъ назначилъ мнѣ свиданіе полковникъ Адамъ Коць.

Полк. Адамъ Коць — «полковникъ» 1-ой степени (регулярно видитъ Пилсудскаго), недавній главный редакторъ офиціозной «Газеты Польской», создатель офиціознаго агентства «Искра», членъ сейма, око Пилсудскаго въ «Бебе» и бывшій верховный начальникъ П. О. В. на всю русскую Польшу при нѣмецкой оккупациі. Въ Великую войну раненъ въ животъ русской пулей и удостоенъ желѣзнаго креста за то, что раненый остался въ строю.

Полк. Коць не только вліятельный «полковникъ», но и одинъ изъ наиболѣе пламенныхъ и безстрашныхъ польскихъ патріотовъ, беззавѣтно преданный маршалу. Уважаютъ его и противники, за полное безкорыстіе — неизмѣнно отказывался онъ отъ министерскихъ портфелей.

Съ полковникомъ Коцомъ говорить чрезвычайно пріятно. Еще молодой, дышашій энергіей, волею, этотъ маленькаго роста человекъ, съ выразительными чертами лица и взглядомъ умнымъ и проникающимъ, даетъ мнѣ представленіе о лучшемъ, что есть въ «санаціи».

— «Полковники», какъ организація, — говоритъ Адамъ Коць, — это легенда. Польшей правятъ люди, понимающіе подлинные интересы страны. «Полковничья диктатура», поистинѣ мягкая форма правленія. Вотъ увидите, что получится если намъ на смѣну, придутъ прежніе, партійные «генералы».

Мы представляемъ идею хорошо устроеннаго государства. Двадцать одинъ годъ я имѣю счастье работать съ маршаломъ, — съ тѣхъ поръ, какъ изъ Россіи бѣжалъ въ Краковъ. Я сразу понялъ тогда, что вокругъ Юсифа Пилсудскаго, въ 1-й бригадѣ, воспитывались истинные патріоты, надпартійные люди. И маршалъ потомъ часто говорилъ, что лучшее его произведеніе — первая бригада.

Каждая польская партія представляетъ лишь часть польскихъ интересовъ; маршалъ представляетъ всю Польшу. Маршалъ хочетъ логическаго развитія страны. Поэтому онъ не прибѣгаетъ теперь къ силѣ. Онъ можетъ сдѣлать все, что захочетъ, но онъ идетъ путемъ самымъ труднымъ. Онъ пахнетъ польскую землю. Какъ Болеславъ Храбрый, какъ Стефанъ Баторій — онъ великій воспитатель своего народа.

Когда, въ 1923 году, маршалъ увидѣлъ, что польскія партіи сбились съ пути, онъ удалился, чтобы дать Польшѣ самой понять свои ошибки. Польша поняла ихъ и тогда, маршалъ вновь выступилъ на сцену.

— Но ваша программа, — спрашиваю я, — ваша конечная цѣль?

— Повторяю — хорошо устроенное государство. Мы не даемъ никакихъ широковѣщательныхъ обѣщаній, но преслѣдуемъ лишь реальныя задачи и потому, что мы не демагоги, партіи демагогическія продолжаютъ вліять на часть населенія. Но посмотрите, что мы сдѣлали... Соціальное обезпеченіе

проведено у насъ раньше, чѣмъ въ другихъ странахъ Европы. Прежде, больничныя кассы питали, главнымъ образомъ, партійные органы. Маршалъ покончилъ съ этимъ безобразіемъ. И такъ каждый разъ, когда партіи пожелаютъ питаться за счетъ государства — мы будемъ ихъ гнать, какъ гонять палкой свинью, когда она рыломъ лѣзетъ въ корыто.

Соціальныя преобразованія, профессиональное представительство — это вопросы будущаго. Мы стараемся прежде упорядочить взаимоотношенія между работодателями и рабочими. Экономическій кризисъ? — Но вѣдь это кризисъ міровой. А въ одномъ Берлинѣ больше безработныхъ, чѣмъ въ цѣлой Польшѣ.

Волю свою мы проведемъ до конца. И, повѣрьте, сеймъ сдастся, потому, что маршалъ силенъѣ.

**
*

Топерь послушаемъ оппозицію — огромное парламентское большинство.

Зданіе, гдѣ нѣкогда былъ институтъ для благородныхъ дѣвицъ. Здѣсь застѣдаютъ тѣ, кого Пилсудскій называетъ «человѣкоподобными обезьянами». Сеймъ вычищенъ, выкрашенъ, перестроенъ; рядомъ — новое грандіозное строеніе — гостиница для «пословъ», такъ называютъ польскихъ депутатовъ. Сеймъ внѣшне, дѣйствительно, современенъ, быть можетъ, болѣе всѣхъ прочихъ европейскихъ парламентовъ: свѣтлые тона, прямыя линіи, воздухъ... Словно огромное ателье художника. Побѣги среди засухи, жизненность польской націи, пробивающаяся сквозь небывалый, безконечный кризисъ.

Стоять люди въ малиновыхъ мундирахъ, лишь цвѣтъ мундира отличаетъ ихъ отъ полицейскихъ: фуражки, шпоры, револьверы въ кабурахъ. Это охрана сейма, охрана маршала Дашинскаго. И невольно встаетъ вопросъ — отъ кого?

Близокъ, совсѣмъ близокъ Бельведерскій дворецъ съ бѣлыми колоннами, прежде — резиденція генераль-губернатора,

нынѣ — диктатора, «новаго поработителя Польши». Почти въ двухъ шагахъ — главный инспекторіатъ арміи...

Я въ клубѣ П. П. С. — социалистической фракціи. Поляки одни изъ самыхъ гостепріимныхъ людей въ мірѣ. Лишній разъ поддаюсь очарованію польской натуры, столь близкой, нашей и въ то же время столь отъ нея отличной. Лидеръ социалистовъ — адвокатъ Недзіалковскій, главный редакторъ «Роботника», молодой, страстный, воспламеняющій своимъ пафосомъ.

— Ничего не разрѣшила «полковничья» диктатура, — говоритъ онъ, — ни экономического кризиса, ни вопроса о національных меньшинствахъ, ни социальнаго вопроса, ни земельного; одниѣми временными мѣрами живутъ эти люди.

А другой социалистъ добавляетъ:

— Разскажу вамъ характерный случай. Оппозиціонная познанская газета объявила своимъ подписчикамъ, что вышлетъ бесплатнымъ приложеніемъ книгу, подробно излагающую, что сдѣлалъ за эти десять лѣтъ для Польши, Пилсудскій. Ждали съ нетерпѣніемъ, — страшной брани, документовъ и цифръ. И вотъ, газета исполнила обѣщаніе. Подписчики получили книгу: хорошій переплетъ, а внутри... десять бѣлыхъ листовъ. Эта газета помѣщичья, реакціонная, но на этотъ разъ подшутила она хорошо.

— Въ оппозиціи огромное большинство страны, — продолжаетъ Недзіалковскій. — «Полковники» не знаютъ сами, чего хотятъ. Диктатура, неокрыленная успѣхомъ не можетъ быть длительной. Нормальное развитіе событій: ликвидація диктатуры и кабинетъ «Центролѣва», т. е. центра и лѣвыхъ, въ родѣ вашего русскаго прогрессивнаго блока, но съ социалистами.

— Въ которомъ социалисты будутъ самой сильной фракціей?

— Ну, да, естественно...

Высокій, согнутый, въ сюртукѣ, чрезвычайно представительный, проходитъ, опираясь на палку, престарѣлый маршалъ

сейма Дашинскій, нѣкогда другъ, а нынѣ врагъ, непримиримый и горделивый, перваго маршала Польши И я слышу: «Смотрите — это представитель лучшаго въ Польшѣ».

Въ кулуарахъ большое возбужденіе. Послѣднія приготовленія къ «грандіозному сѣзду оппозиціи» въ Краковѣ. На этомъ сѣздѣ надѣются нанести смертельный, моральный ударъ пилсудчикамъ.

Передаютъ растерянно:

— Вы знаете, только что два посла изъ «Бебе» заявляли — обратно намъ уже не придется ѣхать изъ Кракова, какъ только мы тамъ соберемся, они сеймъ распускаютъ, мы перестанемъ быть послами и насъ арестуютъ...

Старый радикаль, всю жизнь боровшійся противъ русской власти — я зналъ его ранѣе — отводитъ меня въ сторону. Я передаю ему то, что сказалъ мнѣ полк. Коць.

Онъ пожимаетъ плечами, лобъ его сморщивается; постукивая по столу и глядя мимо меня въ одну точку, онъ говоритъ слова, врѣзывающіяся въ память. И по мѣрѣ того, какъ онъ говоритъ, въ его словахъ, въ самомъ голосѣ, я начинаю чувствовать что-то зловѣщее.

— Поймите одно, — вамъ тогда станетъ все ясно: у пилсудчиковъ нѣтъ программы, нѣтъ строительнаго плана: они умѣютъ только править, и править изо дня въ день. Лишь на это хватаетъ у нихъ духу. И какъ править? Не смѣя поставить точекъ надъ і.

Не потому Пилсудскій не совершаетъ переворота, не потому не измѣняетъ онъ кореннымъ образомъ конституцію, однимъ словомъ не оформляетъ существующаго положенія, — что онъ такой искренній демократъ или воспитатель своего народа, какъ говоритъ полковникъ Коць, а потому, что не знаетъ чѣмъ замѣнить нынѣшній порядокъ. Въ этомъ весь трагизмъ его положенія, его и всѣхъ «полковниковъ». «Санация» сейчасъ приперта къ стѣнкѣ. Сейму не посмѣли разрѣшить собраться даже на одно засѣданіе, но не слушайте того, что говорятъ послы изъ «Бебе», не посмѣютъ они и рас-

пустить сейма: не хватить духа. — знают, что провалятся на выборах. Но и они чувствуют, что такъ больше уже продолжаться не можетъ.

Поэтому у насъ есть сеймъ и нѣтъ сейма, есть свобода печати и нѣтъ ея, есть орденъ и нѣтъ его, и потому «пилсудчики» могутъ угнетать всю націю, а г. полковникъ Коць — говорить о «мягкой формѣ правленія». Не хватаетъ духа на сторительство — понимаете ли? А хватаетъ, чтобы подчинять себѣ людей. Но какъ подчинять? Тайная полиція — вотъ наша власть.

Затѣмъ, послѣ паузы:

— Мнѣ поляку, тягостно говорить вамъ объ этомъ, потому что власть эта, плоть отъ плоти нашего народа.

Правый посолъ, «эндекъ», говоритъ мнѣ:

— Не понимаю, какъ это генераль Кутеповъ сѣлъ въ автомобиль только потому, что подошелъ полицейскій. Или вы въ Парижѣ не знаете нашихъ польскихъ порядковъ? Правда, у насъ дѣйствуютъ настоящіе полицейскіе, а чаще всего офицеры. Вѣдь Новачинскаго, нашего самого талантливаго публициста, увезли офицеры за городъ, подъ предлогомъ ареста, и тамъ избили до полусмерти и оставили въ полѣ. Обычное явленіе, система.

Разсказываю объ этой параллели одному изъ моихъ новыхъ друзей, «полковниковъ».

— Мнѣ кажется, — говорю я, — если это регулярный пріемъ, трудно утверждать, что у васъ свобода печати.

Тотъ громко смѣется:

— Здорово сострилъ вашъ «эндекъ»!

Пилсудскому все позволено. Ни съ кѣмъ изъ властителей нельзя сравнить его въ мірѣ. Онъ не глава ордена, а его

содержаніе, все, что онъ дѣлаеть, хорошо, ибо онъ высшее, онъ — «табу».

Кто бы другой изъ вождей осмѣлился написать такія, какъ онъ, статьи?

Пилсудскимъ возмущаются, называютъ его чудовищемъ. Но вѣдь ему и многое должно проститься, потому, что онъ человѣкъ, поставленный въ такія небывалыя условія, когда ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ онъ считается уже не обязанъ.

Отсюда — и бурныя проявленія стараго его шляхетскаго романтизма, его — «не позволямъ», его крутость. Отсюда и то, что «маршальскимъ словомъ» называютъ теперь въ Польшѣ то слово, которое въ трагическую минуту, нѣкогда произнесъ генераль Камбронъ.

IV

Случай съ рамкой. — Нѣкоторыя данныя и нѣкоторыя причины. — Чай у министра торговли. — «Поѣзжайте въ Краковъ». — Передъ польскимъ пейзажемъ. — Въ прошломъ. — Дуновеніе анархіи. — Перспективы будущаго. — Краковъ спитъ.

Старый знакомый, полякъ, мнѣ рассказываетъ:

— Современная Польша напоминаетъ Францію временъ дѣла Дрейфуса. У меня фотографія Пилсудскаго съ автографомъ. Понесъ исправить рамку. Рамочникъ взглянулъ на фотографію и говоритъ:

— Этой вещи я и касаться не хочу.

Пошелъ къ другому. Тотъ:

— Какая честь! Святѣйша! Ужъ вы меня извините, а денегъ за работу я ни за что не возьму.

**
*

Уяздовская аллея — дворцы въ зелени съ колоннами и статуями богинь у фонтановъ. «Ритцъ» — одинъ изъ самыхъ элегантныхъ дансинговъ въ Варшавѣ. Нужно хоть вечеръ просидѣть въ этомъ дансингѣ чтобы понять современную Польшу. Какая тоска! Вотъ танцуютъ двѣ пары, а это раз-

гарь. За сосѣднимъ столомъ три поляка, по виду помѣщики, молча пьютъ водку. Рѣдко кто одѣтъ по-вечернему.

И это та самая Варшава — «маленкій Парижъ»!

Нѣтъ, не та самая. Дворцы по Уяздовской аллеѣ, по Новому Свѣту, по Краковскому предмѣстью, сданы посольствамъ, торговымъ домамъ.

Быль еще одинъ дворецъ, графини Елены Потоцкой — тамъ собиралось все, что осталось отъ свѣтской Варшавы — но и онъ уже сданъ американцамъ. Помѣщики чуть ли не круглый годъ сидятъ по имѣніямъ, нѣтъ денегъ ни у кого.

Нѣкоторые данныя:

Въ городахъ хлѣбъ продается чуть ли не за ту же цѣну, что въ деревняхъ.

Процентъ опротестованныхъ векселей, наивысшій въ Европѣ.

Торговые векселя сплошь и рядомъ выписываются на суммы въ 20, 30 злотыхъ (100 франковъ — 35 злотыхъ).

Нѣкоторые причины:

Денежныхъ знаковъ выпущено на сумму меньшую суммы бюджета. Заколдованный кругъ. Увеличеніе выпуска денежныхъ знаковъ вызоветъ неизбежно инфляцію, а въ противномъ случаѣ — инфляція вексельная.

Польскія фабрики и заводы работали прежде не только на Польшу, но и на Россію, Австрію и Германію, теперь — границы и пошлины. Бюджетъ на 1930-1931 годъ достигаетъ около трехъ миллиардовъ злотыхъ, изъ нихъ болѣе восьмисотъ милліоновъ — т. е. почти треть, падаетъ на армію, при чемъ фактически на армію тратится еще больше. Но упрекать въ этомъ правительство не рѣшается серьезно и оппозиція. Очертанія польскихъ границъ, взаимоотношенія Польши со своими сосѣдями, говорятъ за себя.

Коренныя причины — міровой кризисъ и отсутствіе крупнаго долгосрочнаго кредита изъ-за границы.

Если вы спросите оппозиціонера, — почему нѣтъ кредита? — онъ отвѣтитъ, — иностранцы не довѣряютъ ненормальному, «полковничьему» правленію.

А пилсудчикъ скажетъ, — общія условія страны... но — кредитъ будетъ.

Отрадная вѣсть, передъ самымъ моимъ отъѣздомъ изъ Польши, — наконецъ то, хлѣбъ въ Варшавѣ немного вздорожалъ!

Въ общемъ же жизнь въ Польшѣ незначительно дороже, чѣмъ во Франціи.

Результаты кризиса:

Чудовищные налоги, полное отсутствіе денегъ, маразмъ въ дѣлахъ, апатія, а надо всѣмъ — «полковничья диктатура», съ которой не хватаетъ ни силъ, ни темперамента по настоящему бороться.

**
*

Чего только не дѣлаютъ поляки, чтобы добиться кредита, наладить, развить торговлю съ заграницей!

Маленькій примѣръ. Чай у министра торговли и промышленности Квятковскаго для иностранныхъ журналистовъ.

Насъ болѣе ста человекъ. Министръ подходитъ къ каждому. И передъ нимъ каждый становится чуть ли не «смирно» — нигдѣ на Западѣ вы не встрѣтите такой, какъ въ Польшѣ, почтительности къ власти, и въ то же время такой вышней любезности со стороны власти.

Министръ говорить о вывозѣ свиней, птицы, яицъ — въ этой области дѣло обстоитъ наиболѣе благополучно.

Передъ уходомъ каждому изъ насъ преподносятъ книгу, великолѣпное, съ безчисленными иллюстраціями, объемистое изданіе на лучшей бумагѣ — «Польское море»: Гдыня — перспективы торговли изъ прорубленнаго польскими топорами «окна» на міровые рынки.

**
*

Я сижу на террасѣ дворца предсѣдателя совѣта мини-

стровъ. Отлогіи паркъ, клумбы, за клумбами и высокія деревья. Со мною одинъ изъ «полковниковъ», близкихъ къ Славеку. Здѣсь, бесѣда съ пилсудчикомъ доставляетъ мнѣ особое ощущеніе. Съ этимъ дворцомъ, съ этой террасой связаны у меня воспоминанія, почти еще дѣтскихъ лѣтъ. Тутъ жили мы въ 1914-1915 гг., когда отецъ мой былъ помощникомъ варшавскаго генераль-губернатора. Опять пытаюсь выяснить конечную цѣль «полковниковъ».

— Но что же дальше? Вѣдь не можетъ вѣчно такъ продолжаться? Или снова, когда наступитъ бюджетная сессія, маршалъ поставитъ Бартеля во главѣ правленія, а послѣ сессіи, замѣтитъ его Славекомъ или Свительскимъ?

— Да нѣтъ же, выходъ будетъ найденъ. Но посудите сами — мы тщательно изслѣдовали, чѣмъ намѣревался заниматься сеймъ и увидѣли — ничѣмъ реальнымъ, государственнымъ, а лишь интригами и антиправительственной борьбой. На что нуженъ такой сеймъ!

— Мнѣ говорили: «полковники» или должны уступить мѣсто другимъ, или рѣшиться на переворотъ, — продолжаю я. — Быть можетъ, правильно указываютъ, что сейчасъ психологическій моментъ, что дѣлать то шагъ впередъ, то шагъ назадъ, уже слишкомъ опасно. Васъ упрекаютъ, за то, что нѣтъ у васъ новой, эффектной программы. Вѣдь полуфашистскіе проекты конституціи, попытки создать національные, полуфашистскіе по духу, союзы молодежи, уже не «актуальны», а въ стрѣлковыхъ союзахъ преподаютъ лишь строй — да культъ маршала.

Не подъ влияніемъ ли воспоминаній, которыя будитъ во мнѣ эта терраса, я заключаю опасными словами:

— Мнѣ говорили ваши враги, что власть ваша — полицейская, что она не похожа и на русскую генераль-губернаторскую власть, потому что та была явной и исполняла какія то опредѣленные директивы...

Я чувствую, что это сравненіе непріятно моему себе-сѣднику и мнѣ вдругъ кажется — не потому ли, что «полков-

никамъ» уже часто приходилось слышать его. Но «полковникъ», сидящій со мною, продолжаетъ любезно улыбаться и говорить:

— Вы все хотите узнать нашу программу. Даю вамъ советъ, изучите раньше программу «Центролѣва», поѣзжайте въ Краковъ, на съѣздъ нашихъ враговъ.

— Но ваша точка зрѣнія?

— Увѣряю васъ: лучшее, что я могу вамъ посоветовать — поѣзжайте въ Краковъ...

**

Въ поѣздѣ. Прекрасные вагоны. Самые лучшіе поѣзда идутъ по линіи Варшава — Краковъ.

Рядомъ со мною сенаторъ Андрей Стругъ — социалистъ, блестящій, острый писатель, одинъ изъ наиболѣе прославленныхъ въ современной Польшѣ.

— Хорошо, — говоритъ онъ, — что иностранные журналисты будутъ завтра въ Краковѣ. Вы услышите нашихъ крестьянъ, кричащихъ — долой Пилсудскаго!

Сенаторъ Стругъ былъ нѣкогда близокъ къ Пилсудскому, близокъ ко всѣмъ, кто нынѣ занимаетъ первые посты въ государствѣ. У нихъ общее прошлое — говоритъ онъ о маршалахъ и его сподвижникахъ безъ злобы, а съ грустью, едва проскальзывающей.

Красивый, выразительный профиль Андрея Струга съ рѣзкимъ подбородкомъ, сѣдые, густые еще волосы, одухотворенные глаза — на фонѣ быстро бѣгущихъ деревьевъ и телеграфныхъ столбовъ... Гладкій, однообразный пейзажъ между Варшавой и Краковомъ. Лѣсъ, поля, да Богородица, или Распятие, на перекресткахъ дорогъ.

— Какіе просторы!

Мой собесѣдникъ восторгнулся.

— Да, хорошо, однообразно, но хорошо такъ и у васъ въ Россіи. Какъ прекрасны и воздухъ, и воды, и лѣсъ, на самомъ сѣверѣ, у Архангельска!

— Вы и тамъ были?

— Да, сослали меня...

И снова, невольно заговариваетъ о политикѣ.

— Диктатура кончится, — слышу я. — Всѣ, кто ѣдутъ съ нами, можетъ быть не отдають себѣ отчета ни какъ, ни когда, но увѣрены, что близокъ конецъ.

Вы знаете, вѣдь самое ужасное въ нашемъ положеніи это вѣчная неизвѣстность о завтрашнемъ днѣ, а въ неизвѣстности вотъ уже пятый годъ держать насъ диктатура. Кто же выдержать! Нервовъ не хватить, задыхаешься. Грустно объ этомъ говорить...

Въ поѣздѣ — радіо: у каждого сидѣнья трубка. Теперь «часть» Кенуры. Ночь, мы подѣзжаемъ къ Кракову подъ звуки чудеснаго голоса знаменитаго польскаго пѣвца. Уже поѣздъ остановился, уже воѣжали носильщики, а мы не сняли трубокъ съ головы и на перронѣ все еще звучить въ ухахъ арія изъ «Тоски».

**
*

Краковъ — ключъ къ пониманію былого величія Польши, славы ея, высшихъ расцвѣтовъ, пышности ея королей.

Городъ грубой, кирпичной готики и ягелонскаго, цвѣтистаго Ренессанса, городъ профессорскій, ученый, тихій и величавый, по австрійски благоустроенный.

Въ прошломъ живешь — среди огромныхъ глыбъ укрѣпленій средневѣковья; возлѣ насѣвшаго на городъ Вавеля — древняго королевскаго замка; передъ барокко его собора; во дворѣ замка, переносясь въ самую радужную Италію, подъ аркадами — изъ Италіи вызванныхъ мастеровъ; въ залахъ замка, среди гобеленовъ, возвращенныхъ изъ музеевъ Россіи; на узкихъ улицахъ, гдѣ неслышны шаги; въ синагогахъ съ тяжелыми серебряными семисвѣчниками и древними торами, украшенныхъ дарами австрійскихъ императоровъ и польскихъ королей...

Но жить въ Краковѣ, мнѣ увы, пришлось въ настоящемъ.

Залъ стараго театра. Нѣсколько тысячъ человѣкъ. Делегаты со всѣхъ концовъ Польши отъ «Центролѣва». Крестьяне въ высокихъ сапогахъ, но по городскому одѣты, рабочіе-шахтеры въ парадныхъ своихъ черныхъ костюмахъ и шляпахъ съ бѣлыми перьями, интеллигенты съ воспаленными глазами, суетящіеся въ гущѣ пролетаріата.

«Центролѣвъ» — столь осмѣянное названіе — это значить союзъ центра и лѣвыхъ. Крайне правыхъ «эндековъ» — здѣсь нѣтъ — не пожелали объединяться даже для борьбы съ социалистами.

Тутъ и «кулаки» — крестьяне Витоса: «Пясть», и чистокровные социалисты, и радикалы и лѣвые, малоземельные крестьяне и христіанскіе демократы. Большинство ихъ, всѣ почти кромѣ людей Витоса, поддержали майскій переворотъ. Что теперь ихъ объединяетъ? — Ненависть къ «полковникамъ», потому что тѣ сильнѣе ихъ волею, — что не пускаютъ ихъ къ власти они. Но злѣйшіе враги между собою всѣ эти безчисленные партіи, группы, союзы...

Вотъ на трибунѣ передо мною, подъ свѣсившимися красными плакатами «пепеэсовъ», — Стругъ, на чьемъ лицѣ — культура поколѣнія; Витосъ, какъ и въ дни своего премьерства въ сапогахъ и безъ воротничка, гладко зачесанный, съ усами вверхъ, хитрый, плотный мужикъ, прошедшій школу австрійскаго парламента; Тугутъ — лидеръ радикальнаго «Вывольненія», бывшій вице-премьеръ, прославленный нѣкогда государственный мужъ Польши, герой, добровольно пошедшій на войну съ большевиками — съ рукой, искалѣченной въ бою; вотъ и упитанный, въ лаковыхъ ботинкахъ, христіанскій демократъ; вотъ и знакомый уже по Варшавѣ Недзіалковскій, пламенный социалистическій лидеръ. Они ненавидятъ другъ друга столь же сильно, какъ и Пилсудскаго.

Сзади, въ залѣ, огромное большинство — «пепеэсы»; ихъ легко узнать: красная гвоздика въ петлицѣ у социалистовъ. «Въ гвоздикѣ» десятки и десятки рядовъ.

Рѣчи. Конгрессъ «защиты права и свободы», защиты

«священныхъ принциповъ народовластія», протеста противъ «бойкота парламента». «Долой Пилсудскаго!». «Долой диктатуру!». Витосъ, бывшій оплотъ государственности, подаетъ сигналъ крикамъ противъ президента — «полковничьяго по-собника», «нарушителя конституціи».

Бѣдный, декоративный и безобиднѣйшій профессоръ химіи Игнатій Мосцицкій! Вотъ здѣсь обвиняють его въ какихъ то страшныхъ дѣяніяхъ, а въ Варшавѣ пущена поговорка:

«Это такъ же мало значить, какъ и панъ Игнатій».

Рѣчи и рѣчи, столь намъ, русскимъ, знакомыя, — во имя права, свободы, народовластія. Но вотъ слышу я истинно трагическій крикъ:

— Не для того умирали лучшіе люди Польши, не для того боролись мы болѣе столѣтій, — чтобы вновь въ измученной нашей странѣ воцарилась оккупационная власть! Власть, въ которой самыя худшія стороны нашихъ бывшихъ порабощен-
лей.

Вышли на улицу. Идутъ шеренгами — рабочіе, крестьяне, интеллигенты. Снова столь знакомая картина. На плакатахъ ихъ написано, и кричатъ они, все то же: «пречъ!» — долой!

А улица? — Улица равнодушна — не до того ей. Кризисъ, отупляющій умъ, разлагающій волю, царствуетъ надъ Польшей. «Пречъ» не волнуетъ толпы.

А если бы взволновало?.. И рисуется въ умѣ старый сеймъ, партіи, не способныя объединиться для правленія, — безъ намека на общую программу, распри и вѣчные трагическіе споры о томъ, какъ велъ себя каждый во время войны, волю свою все сильнѣе устанавливающій социализмъ, а за нимъ коммунизмъ, выливающійся изъ обольшевиченныхъ окраинъ, еврейскій вопросъ, проснувшіяся старыя польскія страсти, нынѣ кризисомъ и «полковниками» придавленные, и все громче раздающійся крикъ: «грабъ награбленное!».

Быть можетъ и правъ старый посолъ, говорившій мнѣ въ сеймѣ зловѣщія слова, быть можетъ и впрямь у «полковни-

ковъ» не хватаетъ духу на строительство, а лишь на оккультное правленіе.... но въ Краковѣ въ этотъ день я почувствовалъ дуновение анархіи: я — пилсудчикъ!

«Если нѣтъ того, что любишь, ну такъ любишь то, что есть»...

**

Сильнѣйшій, быть можетъ, доводъ въ пользу «полковниковъ»: какъ разъ тѣ три силы въ Польшѣ, которыя наиболѣе чутко, можетъ быть, понимаютъ, что есть власть реальная и устойчивая, — поддерживаютъ маршала.

Аристократія, въ большинствѣ примыкающая къ консерваторамъ, чей лидеръ князь Янушъ Радзивиллъ. Влиятельная польская аристократія, любезничающая съ русской властью, а затѣмъ съ германской, но всегда свысока относившаяся къ власти г. Витоса.

— Консерваторы не ретрограды, — говорилъ мнѣ графъ Францискъ Потоцкій, директоръ департамента вѣроисповѣданій, а прежде одинъ изъ руководителей консервативной газеты «Часть». — Мы консерваторы въ томъ смыслѣ, что стоимъ за крѣпкую государственную власть.

Впрочемъ говорятъ, что крупные помѣщики поддерживаютъ Пилсудскаго, потому, что онъ не торопится съ аграрной реформой.

Но кто эти «ретрограды», о которыхъ говорилъ гр. Потоцкій? — «Эндеки», буржуазія, среднее помѣщичество, и какъ это ни странно, студенчество, въ большинствѣ вышедшее изъ тѣхъ же слоевъ.

Еврейство. Много евреевъ среди противниковъ Пилсудскаго, но еврейскій сеймовый союзъ сумѣлъ таки уклониться отъ поѣздки въ Краковъ, а сіонистъ Наумъ Соколовъ работаетъ въ офиціозной «Газетѣ Польской». Антисемитизмъ не «актуаленъ» при Пилсудскомъ. Евреи теперь уживаются съ поляками. Къ тому же со многими евреями связанъ маршалъ и его сподвижники по прежней революціонной дѣятельности....

Иезуиты. Хотя католичество и враждебно маршалу. Пил-

судчикъ — примать Польши, кардиналь Хлондь, іезуитамъ близкій. Но Варшавскій архієпископъ, кардиналь Каковскій, въ оппозиціи. Чтобы не встрѣчаться съ Хлондомъ онъ не пожелалъ поѣхать въ Познань на евхаристическій съѣздъ...

**
*

А что же дальше — когда маршала не станетъ?

О будущемъ, по слову Наполеона, говорятъ только сумасшедшіе.

Но вѣдь не въ маршалѣ, какъ личности, только дѣло. И послѣ его смерти память о немъ можетъ служить орденовой основой. Идея ордена — порядокъ во что бы то ни стало, во имя сохраненія націи, хорошо устроенное буржуазное государство. Эта идея съ маршаломъ, можетъ и не умереть.

И уже говорить о союзѣ «Бѣлаго Орла», который готовится въ трагическую минуту поставить новаго властителя въ Бельведерѣ. Уже произносятъ имена, и все чаще — генерала Рыдзъ-Смиглаго.

Маршалъ, говорятъ, усталъ, боленъ. Онъ можетъ уйти отъ дѣлъ. Но систему имъ созданную онъ хочетъ охранить и самъ себѣ, надо думать, назначить наслѣдника.

Но ближайшее будущее? Переворотъ? Это вопросъ «духа» — хватить ли его у «полковниковъ», въ нужную минуту.

Возможны всякія положенія, и приходъ къ власти нѣкоторыхъ оппозиціонеровъ, капитулировавшихъ передъ «санацией», и блокъ, и сговоръ, и смягченіе диктатуры, и наоборотъ, усиленіе ея — все это область гаданія; но есть въ Польшѣ сотни и сотни тысячъ людей, инстинктивно почувствовавшихъ, что порядокъ долженъ быть сохраненъ. Странѣ удалось, наконецъ, создать сплоченную, правящую группу. Какъ бы ни росло недовольство, — изъ-за кризиса, изъ-за ряда неуспѣховъ, — либо вокругъ этой группы, либо продолжая ея дѣло будутъ собираться люди, для которыхъ порядокъ и самосохраненіе уже сами по себѣ цѣль. «Полковники» многому научили стра-

ну. Порядокъ, заложенный въ основу ордена, если орденъ и исчезнетъ, можетъ быть основой и для его наслѣдниковъ.

**
**

Темно. Тихо возлѣ Вавеля. Прошелъ ксендзъ, и снялъ передъ нимъ шляпу прохожій. Два крестьянина смотрять на стѣны и шепчутся, — словно не смѣютъ они громко заговорить передъ твердыней Рѣчи Посполитой. Смотрять и любятъ. Быть можетъ никогда еще они не видѣли этого. Сюда пріѣхали они изъ глухой своей деревни, вызванные партійными лидерами, чтобы кричать «пречь!». Но вотъ увидѣли они Вавель и зашептались. Въ этихъ стѣнахъ прошлое ихъ страны, могилы ихъ королей.

Въ прошломъ и надежда на будущее. Они любятъ Польшу, какъ любятъ ее поляки — выше и глубже, почти всего въ мірѣ.

Краковъ спитъ.....

V

Россия и Польша. — «Эндекъ» Стронскій и пилсудчикъ Коцъ.
— Сумбуръ. — Нащупываютъ всѣ возможности.

Итакъ — «полковники».

Какъ же относятся «полковники» къ Россіи, къ будущей и къ большевицкой, къ русскому вопросу въ своей же странѣ? Въ этомъ, быть можетъ, труднѣе всего разобраться среди того, что происходитъ въ современной Польшѣ. И наталкиваешься сразу на столь безнадежно запутанный клубокъ, что развернуть его, кажется минутами, невозможнымъ.

Но первая моя официальная бесѣда о русско-польскихъ отношеніяхъ была не съ «полковникомъ». Меня принялъ краковскій профессоръ Станиславъ Стронскій, фактическій лидеръ «Народовой демократіи» — той партіи, которой по прошлому своему глубже всего слѣдовало бы понимать сущность, будущее и настоящее русско-польскаго вопроса.

Проф. Стронскій энергичный, дѣятельный, страстный и непримиримый оппозиціонеръ, правый, именно въ старомъ, дореволюціонномъ значеніи этого понятія — какъ и вся его партія, сплоченная, чуждая всякой эволюціи, — съ мѣста заявилъ мнѣ:

— Если васъ интересуетъ, какъ я отношусь къ Пилсудскому, прочитайте мои статьи и знайте, что — въ два раза

хуже, чѣмъ пишу о немъ, — если только это возможно.... А теперь будемъ говорить о насъ и о Россіи.

Видите ли, положеніе довольно простое. Польша не можетъ быть одновременно во враждѣ съ Германіей и Россіей. Мы знаемъ по прошлому опыту, чѣмъ бы это кончилось. Хорошія отношенія съ Германіей? — Это не въ нашей власти, мы безсильны: слово за нѣмцами, а уступокъ мы имъ сдѣлать не можемъ. Поэтому, мы естественно за дружескія отношенія съ Россіей. Вѣдь были же моменты, когда Россія и Польша удавалось стовариваться. У будущей Россіи, повѣрьте, будетъ достаточно своихъ, внутреннихъ заботъ.

Проф. Стронскій увѣренно заявилъ:

— Къ тому же нынѣшнія наши границы съ Россіей установлены справедливо: точный раздѣлъ по характеру цивилизаціи....

Такъ вотъ я считаю — продолжалъ онъ, — что поскольку это зависитъ отъ насъ, мы не должны толкать Россію, какой бы ни была эта Россія, на сближеніе съ Германіей...

Да, конечно, — большевики обратное намъ. Мы видимъ большевицкую опасность, — пока сидятъ эти люди въ Кремлѣ, не можетъ быть полной стабилизациі Европы. Но съ 1920 года я за миръ съ большевиками, такъ какъ считаю, что Польша одна съ ними справиться не можетъ.

Опасенія относительно будущей Россіи? — Да, они могутъ быть, но они не должны заставлять насъ забывать о реальности. Не заговорщикамъ, стоящимъ сейчасъ у власти, слѣдуетъ намъ подражать.

«Полковники» желаютъ расчлененія Россіи, независимой Украины, Бѣлоруссіи. Мы — реалисты. Расчлененіе Россіи — безумная и нелѣпая мечта. Дошли мы въ свое время до Кіева, ну и что жъ, вѣдь пришлось уходить.

Самостійныя теченія слабѣе въ Россіи идеи единства. А экономически, намъ выгоднѣе имѣть сосѣдомъ Россію, нежели Украину. Къ тому же жестоко ошибаются «полковники» насчетъ Украины, — она въ первую очередь потребуетъ Львова, а у Россіи, какъ я сказалъ, появятся другія задачи.

Теперь о меньшинствахъ. Мы всегда были противниками попытокъ деруссификаціи населенія на крессахъ при помощи его украинизаціи.

Нужно привязать населеніе къ государству. Польскій языкъ долженъ быть официальнымъ, а другіе пусть существуютъ наряду съ нимъ.

Такъ говорилъ проф. Стронскій. Разумныя слова... Но вотъ, страхъ передъ Германіей довелъ Романа Дмовскаго до чуть ли не совѣтофильскихъ статей, а на «эндекахъ» — ярлыкъ, что они лишь католиковъ считаютъ подлинными польскими гражданами и если не признаютъ украинскаго меньшинства, то не признаютъ и русскаго, вообще не признаютъ меньшинствъ и ненавидятъ православіе.

**

Казалось бы — что можетъ быть отрицательнѣе, безнадежнѣе отношенія «полковниковъ» къ будущей Россіи... Чувства маршала, какъ будто, довольно не двусмысленны. Классическая «Бельведерская концепція» выражается приблизительно такъ: большевизмъ ослабляетъ Россію, поэтому, чѣмъ дольше большевики будутъ оставаться въ Кремлѣ, тѣмъ безопаснѣе будетъ для Польши, — это съ одной стороны, а съ другой — т. к. большевики рано или поздно все равно падутъ, нужно готовить расчлененіе Россіи и, слѣдовательно, въ первую очередь поддерживать украинскихъ самостійниковъ, однако, передъ тѣмъ заручившись отъ нихъ отказомъ отъ Галиціи. Совѣтъ еще недавно офиціозная «Газета Польска» прямо писала, что національная Россія будетъ неизбѣжно враждебна Польшѣ, — поэтому желательно ея расчлененіе.

Но вотъ, совершенно инныя мысли высказалъ мнѣ во второй нашей бесѣдѣ тотъ же полк. Коцъ, недавній редакторъ этой самой «Газеты Польской» и столь близкій къ Пилсудскому человекъ.

— Я радъ бесѣдовать съ представителемъ русской печати, — началъ онъ. — Мнѣ всегда искренно непріятно ви-

дѣтъ въ эмигрантскихъ газетахъ тенденціозно-непріязненное освѣщеніе польскихъ событій. Мнѣ, кажется, что эмиграціи не зачѣмъ вызывать вражду между Польшей и будущей Россіей. Не зачѣмъ это дѣлать и намъ полякамъ.

— Поляки дѣлають ошибку на нашъ счетъ, — возразилъ я, — упорно воображая, что всякій русскій только и мечтаетъ о новомъ раздѣлѣ Польши и захватѣ Варшавы. Увѣряю васъ, что ни одинъ серьезный русскій политикъ объ этомъ не помышляетъ. Но если и есть въ эмиграціи нѣкоторое непріязненное отношеніе къ Польшѣ, — оно вызвано представленіемъ, въ общемъ обоснованномъ, что Польша желаетъ оттянуть паденіе большевизма и работаетъ на расчлененіе Россіи.

— Такое представленіе, — отвѣтилъ полк. Коцъ, — нужно стараться разсѣять. Буду говорить съ вами совершенно откровенно. Да, въ польскихъ кругахъ существуютъ подобныя настроенія. Однако, врядъ ли они являются руководящими. Большевицкій котелъ намъ въ высшей степени неудобенъ. Большевицкой пропагандѣ нужно во всемъ мірѣ противопоставить пропаганду антибольшевицкую. Я счастливъ, что въ 1920 г. участвовалъ во главѣ дивизіи въ разгромѣ большевиковъ.

— Теперь, — продолжалъ полк. Коцъ — о нашихъ отношеніяхъ съ будущей Россіей. Несомнѣнно, Россія, — монархическая ли, демократическая, — будетъ преслѣдовать свои національные интересы. Свои интересы будемъ преслѣдовать и мы. Въ такомъ взаимномъ соревнованіи, я убѣжденъ, найдется положеніе, удовлетворяющее обѣ стороны. Логическій выходъ придетъ самъ собой.

Наши границы съ Россіей установлены, — нашей волей и нашей кровью. Къ захвату новыхъ земель мы не стремимся, но того, что намъ принадлежитъ, мы уже не отдадимъ. До последней капли крови сумѣемъ мы отстоять нашу территорію.

Вражда между Россіей и Польшей — дѣло прошлаго. Ее могутъ поддерживать лишь отжившіе люди. Прежде было со всѣмъ иное положеніе. Мы желали отстоять нашу національность. Вражда была умѣстна. Теперь мы будемъ стараться

паладить съ Россіей отношенія добрососѣдскія. Я думаю, что ей не зачѣмъ будетъ посягать на насъ. Интересы ея не на Западѣ.

Опять — разумныя слова. Но отъ этихъ разумныхъ словъ, когда вспоминаешь о другихъ словахъ, людьми изъ того же лагеря произнесенныхъ, — дѣлается сумбуръ въ головѣ...

А въ другой день, за «полковничьимъ» столомъ, вліятельный «полковникъ» (онъ видитъ Пилсудскаго разъ въ мѣсяць, т. е. исключительно часто) заявляетъ мнѣ прямо:

— Мы знаемъ, что большевики скоро падутъ. Маршалъ увѣренъ въ скоромъ возрожденіи Россіи и въ томъ, что съ новой Россіей можно будетъ стовориться. О независимой Украинѣ у насъ серьезно никто не думаетъ. Независимая Украина означала бы экономическій крахъ Россіи. А такую idiotскую идею ни одинъ серьезный полякъ не можетъ проповѣдовать!

Сумбуръ въ головѣ увеличивается.

Спохватившись, «полковникъ» добавляетъ:

— Только прошу васъ, не помѣщайте моей фамиліи въ газетѣ. Я директоръ департамента.... Мы немедленно получимъ ноту отъ большевиковъ...

**

Тотъ же русскій, въ театрѣ «Кви-про-кво», разъяснившій мнѣ въ словахъ одного приѣзжа внутреннее положеніе Польши, говоритъ:

— Клубокъ развертывается, и—именно въ сумбурѣ, который получается у васъ въ головѣ отъ всего, что вы здѣсь читаете и слышите

Вы уже замѣтили, что у «полковниковъ», да и вообще у большинства поляковъ, нѣтъ программы во внутренней политикѣ, нѣтъ ея и во внѣшней. Въ русскомъ вопросѣ — сплошная неопредѣленность. «Полковники» сейчасъ нащупываютъ всѣ возможности — и Украину, и большевиковъ, и эмиграцію...

VI

«Полковники» презирають большевиковъ. — Угасаніе украинской мечты. — Г. Сухенекъ и гр. Потоцкій. — «Эндеки», пилсудчики и — православіе. — Прелать Около-Кулакъ. —

Двѣ мысли.

Пріятно наблюдать съ какимъ презрѣніемъ говорятъ въ Польшѣ самые отвѣтственные политики о большевикахъ. Возмущаются поведеніемъ, самой личностью варшавскаго полпреда Антонова-Авсеенко. Въ отличіе отъ правыхъ, «эндековъ», «полковники» личныхъ сношеній съ чекистами изъ полпредства не поддерживаютъ.

— Этой сволочи, — говорилъ мнѣ про полпреда одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ «полковниковъ», — мнѣ противно подавать руку, но что подѣлаешь, вѣдь не мы виновны, что эти люди хозяйничаютъ въ вашей странѣ.

— Подавать руку — одно, — возразилъ я, — но высылки и аресты эмигрантовъ, приговоръ Коверды, т. е. поддержка большевиковъ — уже совѣтъ, вѣдь, другое.

— Необходимость момента... Я уже сказалъ, не наша вина...

Въ одномъ, въ высшей степени официальномъ польскомъ учрежденіи, куда по дѣламъ должны заходить люди изъ полпредства — я видѣлъ двѣ, явно на показъ выставленныя схе-

мы: развѣтвленіе компартіи и списокъ виднѣйшихъ большевиковъ, съ указаніемъ, какія должности каждый изъ нихъ занимаетъ, одновременно, въ совнаркомѣ и коминтернѣ...

— Украинская мечта отживаетъ. По настоящему вопросу о національных меньшинствахъ лишь теперь начинается кристаллизироваться — говорить мнѣ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

И, дѣйствительно, нелѣпымъ кажется сотрудничество «полковниковъ», носителей идеи государства, хорошо устроеннаго и капиталистическаго — съ разными батками и «сельробовцами», анархичными въ своей сущности и ненавидящими, превыше всего, польскую государственность. Но вотъ боятся они русскихъ государственныхъ элементовъ, боятся похода на Варшаву, новаго раздѣла...

Но нѣкоторый переломъ уже чувствуется. О хорошемъ отношеніи Польши къ будущей Россіи говорили мнѣ всѣ рѣшительно пилсудчики, которыхъ мнѣ приходилось встрѣчать, и, чтобы они ни думали въ душѣ, ихъ рѣчи сами по себѣ показательны. И тоже говорило мнѣ большинство оппозиціонеровъ, какъ правыхъ, такъ и лѣвыхъ, вплоть до социалистовъ.

«Полковники», какъ будто начинаютъ понимать, что украинскихъ сепаратистовъ развели они себѣ на бѣду.

— Надеждъ на Украину уже болѣе нѣтъ въ правительствѣ, — говорилъ мнѣ одинъ изъ нихъ. — Петлюровцы, такъ и умрутъ въ эмиграціи.

Но все же — правой, лѣвой рукой — поддерживаютъ они украинцевъ на креслахъ, — лишь бы искоренить русскій духъ. Кажется, правильно разсудилъ мой знакомый, поляки сами еще не рѣшили, что имъ выгоднѣе.

Русскими дѣлами вѣдаютъ въ Польшѣ въ сущности три лица. Въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ — таинствен-

ный, замкнутый и всемогущий начальник восточнаго отдѣла г. Голувко; въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, — начальникъ отдѣла меньшинствъ г. Сухенекъ-Сухецкій; въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и вѣроисповѣданій — директоръ департамента вѣроисповѣданій гр. Фр. Потоцкій.

Г. Голувко я такъ и не могъ повидать — онъ уѣзжалъ въ отпускъ. Но съ г. Сухенекъ (членомъ ПОВ въ сибирскихъ частяхъ, весьма вліятельныхъ «полковниковъ») и гр. Потоцкимъ мнѣ пришлось долго бесѣдовать.

— Естественнo, — сказалъ г. Сухенекъ, — мы признаемъ русское меньшинство. Какъ можно говорить о его непризнаніи, разъ избранъ русскій посолъ въ сеймъ, докторъ Король! Я увѣренъ, что при будущей переписи окажется еще больше русскихъ. Прежде многіе думали, что невыгодно называться русскимъ...

Запомнимъ эти слова.

Бесѣда съ культурнѣйшимъ и милѣйшимъ гр. Потоцкимъ оставила мнѣ исключительно пріятное воспоминаніе.

«Панъ директоръ» Потоцкій — такъ зовутъ его на службѣ потому что титулы въ Польшѣ отмѣнены — и внѣшностью своей и блескомъ всей своей жизни — великолѣпный образчикъ польскаго вельможи. Онъ ревностный католикъ и одновременно ревностный исполнитель воли-маршала, но онъ много жилъ въ Россіи и потому терпимо относится къ русскимъ. Съ нимъ связываютъ меня особыя узы — мы оба лицеисты. Вѣковая лицейская традиція не угасла и въ лицеистахъ, навсегда переставшихъ быть подданными Россіи.

Мы говоримъ о готовящемся соборѣ православной церкви, на которомъ будутъ установлены, наконецъ, отношенія церкви къ государству, и — что особенно важно полякамъ, — торжественнымъ актомъ утверждена автокефалія.

— Прежде всего, — говоритъ гр. Потоцкій, — нужно понять, что не можетъ быть рѣчи въ Польшѣ о русской православной церкви, а лишь о церкви православной.

Однако, гр. Потоцкій, очевидно также противник ея слишкомъ рьяной украинизаціи.

— Я считаю, — сказалъ мнѣ директоръ департамента вѣроисповѣданій, — что украинская литургія — нелѣпость. У насъ латинская литургія, а у васъ должна быть церковно-славянская.

Запомнимъ и эти слова.

**

«Эндеки», крайніе клерикалы, мечтають о католизаціи русскаго населенія, ихъ завѣтная цѣль — ликвидація православія на кресахъ.

Пилсудчики же поняли, что всякое наступленіе католицизма на православіе используется большевиками и разжигаетъ на кресахъ и безъ того острѣя антипольскія настроенія.

Иски католическихъ курій объ отобраніи у православныхъ болѣе семисотъ нѣкогда латинскихъ или уніатскихъ церквей, порицаются единогласно «полковниками». Одинъ изъ нихъ заявилъ католическому архіепископу:

— Что вы сдѣлали! Вашими исками вы только укрѣпили, сплотили православіе.

Гр. Потоцкій и г. Сухенекъ оба говорили мнѣ, что иски должны быть разрѣшены по обоюдному сговору.

— Было бы, напримѣръ, нелѣпо, — сказалъ г. Сухенекъ, — отобрать отъ православныхъ Пинскій соборъ.

Но вѣдь весь вопросъ, какъ понимать такой сговоръ. Католики, если и откажутся въ концѣ концовъ отъ церквей, то несомнѣнно потребуютъ огромныя суммы на постройку новыхъ.

Украинцы хотять украинизаціи церкви, замѣны русскихъ іерарховъ украинскими не безъ основанія, при этомъ, рассчитывая на помощь «полковниковъ».

А русская общественность? — Она ждетъ, чтобы соборъ поставилъ церковь на подлинно высокое мѣсто, упорядочилъ ее, чтобы не было на нее ни съ чьей стороны покушеній. Про-

тивъ автокефаліи никто изъ русскихъ уже не возражаетъ. О неканоничности автокефаліи говорить сейчасъ «неактуально».

Среди элементовъ, вообразившихъ въ началѣ, что майскій переворотъ принесетъ немедленное благосостояніе, а когда, не сбылись надежды, — разочаровавшихся въ диктатурѣ и ставшихъ ея врагами, — католичество приобретаетъ все больше вліянія. По существу «эндековское», оно готово идти на компромиссы и съ «Центролѣвымъ».

Католичество неблагопріятно «полковникамъ» по причинамъ большимъ и малымъ. И потому, что маршалъ развелся съ женой, и потому, что министръ народнаго просвѣщенія и исповѣданій Червинскій, лютеранинъ, и потому, что пилсудчики недостаточно рьяно преслѣдуютъ православіе и, наконецъ, потому, что католицизмъ они не возводятъ въ основу польскаго государства.

Рѣдки польскіе прелаты, терпимые къ православію. Среди нихъ, всегдашній другъ русскихъ, прелать Около Кулакъ, викарій архіепископа Роона, дѣятельный, неутомимый предсѣдатель польской анти-большевицкой лиги.

Прелать Около-Кулакъ не скрываетъ, что изъ попытокъ массоваго обращенія православныхъ въ унию, ничего не получится.

— Были случаи перехода цѣлыхъ приходовъ въ унию, — говорилъ онъ мнѣ, — но затѣмъ эти приходы переходили обратно въ православіе. Цѣлесообразно лишь отдѣльныхъ сознательныхъ русскихъ стараться обратить въ католичество...

Я узналъ впоследствии, что переходъ въ униатство нѣкоторыхъ приходовъ произошелъ довольно своеобразно: прихожанъ убѣрили, что дѣло идетъ лишь о подчиненіи другому епископу. Понявъ же въ чемъ дѣло, крестьяне потребовали немедленно перевести ихъ обратно въ православіе.

Вижу бывшего члена сейма и бывшего предсѣдателя рус-

скаго народнаго объединенія (РНО — политической организации русскаго меньшинства) Н. С. Серебряникова, играющаго большую роль среди русскихъ въ Польшѣ.

Сразу понимаю, какъ унижено русское меньшинство, какъ трудно ему сохранить здѣсь свое лицо.

— Прежде всего, — говоритъ мнѣ Н. С. Серебряниковъ, — мы лояльны къ польскому государству, а слѣдовательно, и ко всѣмъ его договорамъ. Какъ бы мы большевиковъ ни ненавидили лично — СССР для насъ признанное Польшей государство.

Зачѣмъ г. Серебряникову понадобилось мнѣ это подчеркнуть, — не понимаю.

**
*

Глава русской церкви въ Польшѣ, митрополитъ Діонисій, отказывается меня принять — слишкомъ занятъ.

Напрасно прошу ему передать, что мнѣ необходимо передъ отъѣздомъ на кресы переговорить съ тѣмъ, въ чьихъ рукахъ тамъ все православіе, что мнѣ недостаточно освѣщенія, даваемого поляками.

Мнѣ сообщаютъ, будто его блаженство (этотъ титулъ данъ митрополиту константинопольскимъ патріархомъ) опасается, что г. Сухенекъ и гр. Потоцкій будутъ недовольны, если онъ приметъ корреспондента «Возрожденія»...

Но вѣдь они то сами со мной охотно бесѣдовали.

**
*

Уѣзжаю на кресы. — Двѣ мысли:

Неужели удалось украинизировать русское населеніе?

Какіе широкіе горизонты могутъ открыться передъ православіемъ на Волыни, въ Полѣсьи, въ Бѣлоруссіи, какъ распрѣсти оно должно среди многомилліоннаго русскаго населенія, на которое не можетъ наложить руку большевицкая власть...

VII

Львовъ. — Градоначальникъ Клоць. — Древняя Ставропігія.
— Русскій народный домъ. — Трагедія русскаго меньшинства. — Самостійники. — Украинецъ, единственный въ своемъ родѣ. — Габсбургскій царедворецъ.

Львовъ — городъ мягкихъ очертаній, зелени, холмовъ, просторныхъ асфальтовыхъ площадей и грязныхъ извилистыхъ переулковъ, пышныхъ храмовъ и древняго великолѣпія, городъ тишины и монастырской прохлады, городъ kloкочущихъ страстей и пулеметной стрѣльбы, городъ древней Руси и древняго русскаго величія, городъ ненавидящей Русь, мятущейся и кровавой, самостійной украинской мечты.

Кіевъ, но только безъ Днѣпра. Кіевъ, гдѣ вѣками процарствовалъ бы, одолѣвъ поляка, австріецъ, а на мѣсто австрійца вновь воцарился — полякъ.

**

У меня рекомендаціи по «полковничьей» линіи. Воевода гр. Голуховскій не совсѣмъ «свой человѣкъ», зато «свой» — градоначальникъ Клоць.

По виѣшности г. Клоць вовсе не похожъ на градоначальника; взъерошенный, въ яркомъ галстукѣ, на видѣ лѣтъ не болѣе тридцати.

Самоувѣренный даже до странности. Заявляеть:

— Какъ не признаемъ русскихъ? — Да кругомъ Львова сплошь русскіе.

Пораженъ я въ высшей степени. Но дѣло разъясняется просто: я не зналъ еще, что поляки «русскими» называютъ украинцевъ и бѣлоруссовъ, въ отличіе отъ «россійскихъ», т. е. великороссовъ и всѣхъ тѣхъ, кто признаютъ себя сынами Россіи. Оказывается, на этомъ «различіи» очень многое основано, во всемъ что пишутъ и говорятъ, — въ особенности, когда надо убѣдить иностранцевъ, — поляки о кресахъ и о Галиціи. А вѣдь съ мнѣніемъ иностранцевъ поляки считаются больше всего въ мірѣ...

— Но русскихъ, въ нашемъ пониманіи, — спрашиваю я градоначальника, — вы признаете?

— О, такихъ здѣсь нѣтъ, развѣ что эмигранты...

— Помилуйте, а тѣ, кого австрійцы прозвали «москво-филами»?

— Ну, если хотите, эмигранты, которые стремятся расширить свое вліяніе....

Затѣмъ г. Клоцъ принимается мнѣ расхваливать русскую аграрную партію: не украинскую, молъ, а въ то же время политически уравнивленную.

Узнаю потомъ, — въ аграрной партіи какихъ нибудь десять человекъ и исполняетъ она покорно всѣ директивы г.г. Сухенка и Клоца.

**
*

Русская улица — русскій центръ Львова, нѣтъ почти на ней украинскихъ вывѣсокъ, не слышно украинскаго говора. Большіе дома, ветхіе и хмурые: владѣнія Ставропигіи.

Древнее, славное ставропигійское братство, пронесшее Русь сквозь вѣка польскаго и австрійскаго владычества; властью ненавидимое теперь, какъ было оно ненавидимо габсбургской имперіей; въ приниженности своей горделивое и неотрекающееся.

Вотъ прошелъ я по темной лѣстницѣ, вотъ открыли мнѣ дверь, вотъ залъ съ опущенными шторами и смотреть со стѣнъ темные лики униатскихъ митрополитовъ.

Люди крутомъ стола медлительные, торжественные, въ черномъ, пожилые почти всѣ. Засѣдаетъ Правящій Совѣтъ ставропигійскаго института.

Потомки, послѣдователи тѣхъ, кто страдали за Галицкую Русь, тщились охранить ея ликъ, наперекоръ всему, русскій языкъ передавали отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Такъ же живы, какъ и при Габсбургахъ, слова ихъ устава:

«а) Сохраняти святую христіанско-каѳолическую вѣру по греко-восточному обряду у русскаго народа; б) поддерживать русскую народность и поспѣшествовати ея культурному развитію; в) печалитись о просвѣщеніи, религіино-нравственномъ образованіи и облагородненіи своихъ единовѣрцевъ; г) способствовать русской учащейся молодежи обоого пола».

Я среди русскихъ, чья судьба быть можетъ еще трагичнѣе нашей, — они даже права не имѣютъ называть себя русскими.

— Насъ отрицаютъ, — говорятъ мнѣ они. — Кто мы? Никто — не поляки, не украинцы.

Это и есть «эмигранты», про которыхъ говорилъ мнѣ г. градоначальникъ Клоць, «эмигранты», дѣды и прадѣды которыхъ были внуками и правнуками исконныхъ обитателей Галицкой Руси.

Сеньоръ Ставропигіи совѣтникъ Гулла идетъ со мной, за нами члены Правящаго Совѣта. Проходимъ въ сосѣдній покой, зажгли электричество, и засвѣтились на стѣнахъ краски и золото иконъ. «Галицкое письмо» наивное, угловатое, искусство композиціи еще не познавшее, отголосокъ слабый, но родной, великолѣпія новгородской живописи. Музей Ставропигіи, вывезенный Россіей, послѣ долгихъ мытарствъ, большевиками возвращенный во Львовъ.

Вотъ и древнѣйшій «Апостолъ» на Галицкой Руси — XII

вѣка, вотъ и самая удивительная, самая волнующая здѣсь реликвія — «Альбумъ». Перелистываю желтые, пергаментные листы. — Здѣсь подписывались всѣ братья-міряне (духовныхъ не принимаютъ въ братство) — съ XVI вѣка, когда грамотами патріарховъ антиохійскаго и константинопольскаго было узаконено ставропитійское братство и дана ему печать съ восьмиконечнымъ патріаршимъ крестомъ.

Мнѣ говорятъ:

— Многие вѣка живемъ мы и—будемъ жить. И типографію нашу, древнѣйшую на Галицкой Руси, охранимъ, и библіотеку, и музей, и церковь нашу, чудо архитектуры, гордую колокольную Константина Корніакта, и бурсу, гдѣ учатъ русскому языку, и духъ и культуру — отъ поляковъ и отъ украинцевъ.

— Но если я напишу, что васъ тѣснятъ здѣсь, что на васъ посягаютъ украинцы, что имущество ваше желаютъ имъ передать поляки, что вамъ не даютъ вздохнуть, — не простятъ вамъ, быть можетъ, поляки, откровенной бесѣды со мной?

— Не боимся мы, хуже быть, вѣдь не можетъ...

Читаю Шараневича, историка Галицкой Руси, вникаю въ этотъ искалѣченный, но все же могучій, Русью вскормленный языкъ.

«Ставропитійское братство во Львовѣ, есть, яко бы, старое, розложистое дерево, котораго корни сѣгаютъ далекихъ столѣтій русской народно-церковной исторіи».

Читаю «Талергофскій Альманахъ» — скорбную книгу памяти лагеря въ Талергофъ, гдѣ австрійцами, во время войны были заключены «москвофилы». — Разстрѣляли австрійцы пятнадцать тысячъ галичанъ, не отрекшихся отъ Россіи. На обложкѣ, черный, двуглавый австрійскій орелъ, клюющій голову привязаннаго къ столбу галичанина, и кажется: вотъ теперь на мѣсто чернаго орла, взлетѣлъ бѣлый, одноглавый, на верхушку столба.

Русскій Народный Домъ — достояніе русской культуры. Огромное зданіе, гдѣ собираются русскіе; въ другомъ — библіотека съ древними книгами, музей, и въ главной залѣ, портретъ князя Льва Галицкаго, основателя Львѣграда. Въ библіотекѣ двадцать тысячъ томовъ. Домъ основанъ въ 1851 г. Теперь онъ въ рукахъ аграрной партіи. Заперли его австрійцы, пришли поляки, поставили правительственнаго комиссара изъ «аграріевъ». И нѣтъ возможности получить русскимъ русское имущество. Надѣются поляки, что когда умрутъ всѣ, кто по закону должны управлять домомъ, можно будетъ отдать его самостійникамъ.

Русскую гимназію во Львовѣ не разрѣшили открыть, потому что «въ этомъ нѣтъ надобности».

Руссофилы группируются вокругъ «Русской селянской организаціи». Она насчитываетъ въ деревняхъ десятки и десятки тысячъ сторонниковъ, а между тѣмъ ни одного русскаго депутата не прошло въ сеймъ отъ Галиціи. Почему? — Очень просто, — отвѣтятъ руссофилы, — всѣ знаютъ, что за русскій списокъ голосовать не имѣетъ смысла: такъ получится въ концѣ концовъ, что ста, двухсотъ голосовъ почему-то не достанетъ... И все же голосовали за него десятки тысячъ крестьянъ.

Полстолѣтіе украинизировалась крестьянская масса австрійцами. Теперь, за явной невозможностью ее полонизировать, украинизируется она при содѣйствіи поляковъ. Изъ двухъ золь выбираютъ кажущееся меньшимъ и утѣшаются тѣмъ, что во Львовѣ половина жителей поляки.

Увы, русскій духъ среди молодежи на убыли.

Единственный русскій печатный органъ — «Русскій Голосъ». Но вотъ и поляки и украинцы и многіе русскіе даже

упрекають его въ склонности восхвалять совѣтскія «достиженія», а польская власть, пользуясь этимъ, заявляетъ, что руссофилы цѣликомъ впали въ большевизмъ.

Недоумѣніе вызываетъ такое положеніе. Отвѣтъ мнѣ даетъ одинъ изъ руководителей русскаго движенія:

— Мы ненавидимъ большевиковъ, но что подѣлаешь! Польки насъ отрицаютъ, украинцы ненавидятъ. На кого намъ опереться? Не на большевиковъ, конечно, но если мы скажемъ, что нѣтъ нынѣ Россіи, то отвернутся отъ насъ многія и многія тысячи въ деревняхъ. И вотъ, скрѣпя сердце, должны мы говорить, что плохо ли, хорошо ли, а въ Россіи нынѣшней что то дѣлается, что то строится, что тамъ, пусть большевицкая, но все же мощная русская держава.

Трагично, поистинѣ, положеніе русскаго меньшинства въ Польшѣ. И какъ хорошо умѣютъ использовать его несчастье, мечту о существующей все же родинѣ — большевики...

**
*

Красная церковь въ зелени — подъ гору, надъ Русскою улицей. Единственный православный храмъ во Львовѣ. Въ сапогахъ, здоровенный, дышащій силой, предприимчивостью о. Сапѣга. Молодо, свѣжо все здѣсь: и деревья, и церковь, и самъ батюшка.

Двадцать одинъ приходъ перешелъ въ Лемковщинѣ въ православіе.

— О сколько бы еще униатовъ вернулись къ намъ! — говорить о. Сапѣга. — Но вотъ, денегъ нѣтъ. Какъ же намъ развернуться? И церковь и церковную утварь теряетъ приходъ при переходѣ въ православіе. Ахъ, были бы средства! Половину Галиціи вернули бы въ нашу церковь.

Вспоминаю, что говорилъ мнѣ градоначальникъ Клоць, подчеркивающий свое равнодушіе къ католицизму:

— Будь у православія больше размаха, развернулось бы оно широко!

Но вѣдь для размаха, прежде всего, нужны деньги, а ихъ

нѣтъ у православныхъ въ Галиціи, хоть и многими угодами владѣтъ православная церковь въ Польшѣ.

**
*

Всѣмъ тремъ воеводствамъ Галиціи Польша была вынуждена дать въ концѣ концовъ нѣкоторую автономію. Львовъ — міровой центръ украинскаго самостійничества.

Укр. нац. дем. об. — «Ундо» — самая могущественная украинская партія въ Галиціи, чуть ли не все уніатское духовенство, чуть ли не вся украинская интеллигенція поддерживаютъ его. Оно ненавидитъ Польшу и все польское. Самостійная Украина со Львовымъ, отъ Прикарпатской Руси и до Кубани, значить отобраніе земель отъ Россіи, отъ Польши, отъ Чехословакіи и Румыніи — цѣль «Ундо». Затѣмъ по численности идутъ «сельробовцы» — большевистствующіе украинцы-террористы, ненавидящіе Польшу столь же сильно, какъ и «ундовцы», живущіе на субсидіи изъ Москвы, передачей которыхъ только и занимался отозванный нынѣ большевицкій консулъ Лалчинскій. Поляки тоже ихъ ненавидятъ, но менѣе чѣмъ «кацаповъ». Открыто поддерживаютъ они только петлюровцевъ, потому что отказались петлюровцы отъ Западной Галиціи, въ обмѣнъ на поддержку поляковъ противъ Россіи. Предсѣдатель директоріи, головной атаманъ Андрей Левицкій живетъ въ Варшавѣ, но такъ какъ по рижскому договору нельзя ему быть въ Польшѣ, — когда онъ даетъ интервью, оно помѣщается Женевой или Парижемъ. Ближайшій его помощникъ — ген. Сальскій, русскаго генеральнаго штаба офицеръ, проѣхавшійся въ Кіевъ на конѣ по брошенному на землю русскому флагу. Но вотъ, кромѣ польскихъ чиновниковъ нѣтъ у петлюровцевъ сторонниковъ въ Галиціи.

Не перечисливъ всѣхъ украинскихъ организацій — здѣсь и богатые кооперативы, питающіе «Ундо» и укр. военная организація — «Уво» копія «Пэову», дѣйствующая противъ Польши изъ Берлина подъ руководствомъ ген. Коновальца, здѣсь и украинскіе эсдеки и эсэры и украинскіе радикалы.

упрекають его въ склонности восхвалять совѣтскія «достиженія», а польская власть, пользуясь этимъ, заявляетъ, что руссофилы цѣликомъ впали въ большевизмъ.

Недоумѣніе вызываетъ такое положеніе. Отвѣтъ мнѣ даетъ одинъ изъ руководителей русскаго движенія:

— Мы ненавидимъ большевиковъ, но что подѣлаешь! Поляки насъ отрицаютъ, украинцы ненавидятъ. На кого намъ опереться? Не на большевиковъ, конечно, но если мы скажемъ, что нѣтъ нынѣ Россіи, то отвернутся отъ насъ многія и многія тысячи въ деревняхъ. И вотъ, скрѣпя сердце, должны мы говорить, что плохо ли, хорошо ли, а въ Россіи нынѣшней что то дѣлается, что то строится, что тамъ, пусть большевицкая, но все же мощная русская держава.

Трагично, поистинѣ, положеніе русскаго меньшинства въ Польшѣ. И какъ хорошо умѣютъ использовать его несчастье, мечту о существующей все же родинѣ — большевики...

**
*

Красная церковь въ зелени — подъ гору, надъ Русскою улицей. Единственный православный храмъ во Львовѣ. Въ сапогахъ, здоровенный, дышавшій силой, предприимчивостью о. Сапѣга. Молодо, свѣжо все здѣсь: и деревья, и церковь, и самъ батюшка.

Двадцать одинъ приходъ перешелъ въ Лемковщинѣ въ православіе.

— О сколько бы еще униатовъ вернулись къ намъ! — говоритъ о. Сапѣга. — Но вотъ, денегъ нѣтъ. Какъ же намъ развернуться? И церковь и церковную утварь теряетъ приходъ при переходѣ въ православіе. Ахъ, были бы средства! Половину Галиціи вернули бы въ нашу церковь.

Вспоминаю, что говорилъ мнѣ градоначальникъ Клоць, подчеркивающій свое равнодушіе къ католицизму:

— Будь у православія больше размаха, развернулось бы оно широко!

Но вѣдь для размаха, прежде всего, нужны деньги, а ихъ

нѣтъ у православныхъ въ Галиціи, хоть и многими угодами владѣть православная церковь въ Польшѣ.

**

Всѣмъ тремъ воеводствамъ Галиціи Польша была вынуждена дать въ концѣ концовъ нѣкоторую автономію. Львовъ — міровой центръ украинскаго самостійничества.

Укр. нац. дем. об. — «Ундо» — самая могущественная украинская партія въ Галиціи, чуть ли не все уніатское духовенство, чуть ли не вся украинская интеллигенція поддерживаютъ его. Оно ненавидитъ Польшу и все польское. Самостійная Украина со Львовымъ, отъ Прикарпатской Руси и до Кубани, значить отобраніе земель отъ Россіи, отъ Польши, отъ Чехословакіи и Румыніи — цѣль «Ундо». Затѣмъ по численности идутъ «сельробовцы» — большевистствующіе украинцы-террористы, ненавидящіе Польшу столь же сильно, какъ и «ундовцы», живущіе на субсидіи изъ Москвы, передачей которыхъ только и занимался отозванный нынѣ большевицкій консулъ Лашчинскій. Поляки тоже ихъ ненавидятъ, но менѣе чѣмъ «кацаповъ». Открыто поддерживаютъ они только петлюровцевъ, потому что отказались петлюровцы отъ Западной Галиціи, въ обмѣнъ на поддержку поляковъ противъ Россіи. Предсѣдатель директоріи, головной атаманъ Андрей Левицкій живетъ въ Варшавѣ, но такъ какъ по рижскому договору нельзя ему быть въ Польшѣ, — когда онъ даетъ интервью, оно помѣщается Женевой или Парижемъ. Ближайшій его помощникъ — ген. Сальскій, русскаго генеральнаго штаба офицеръ, проѣхавшійся въ Кіевъ на конѣ по брошенному на землю русскому флагу. Но вотъ, кромѣ польскихъ чиновниковъ нѣтъ у петлюровцевъ сторонниковъ въ Галиціи.

Не перечисливъ всѣхъ украинскихъ организацій — здѣсь и богатые кооперативы, питающіе «Ундо» и укр. военная организація — «Уво» копія «Пэову», дѣйствующая противъ Польши изъ Берлина подъ руководствомъ ген. Коновальца, здѣсь и украинскіе эсдеки и эсеры и украинскіе радикалы.

Горять польскіе фольварки, грабятъ и убиваютъ польскихъ чиновниковъ и помѣщиковъ — хлопочетъ Галиція — поляками гордо переименованная въ «Малопольшу»...

Въ львовскихъ кафе собираются украинцы и ссорятся между собою, а пуще всего бранятъ Польшу и Россію.

Я сижу въ украинскомъ кафе, среди «батеѣкъ», террористовъ и почтенныхъ по виду украинскихъ консерваторовъ.. Дымъ отъ трубокъ застилаетъ лица и окна. Въ дыму — очертанія людей, размахивающихъ руками, взъерошенные головы, злобно сверкающіе глаза. Гулъ хриплыхъ голосовъ, удары кулаковъ по столамъ...

Я просилъ редактора «Русскаго Голоса» В. И. Сѣрко-Билинскаго устроить мнѣ свиданіе съ какимъ нибудь украинскимъ дѣятелемъ.

— Съ русскимъ украинецъ и говорить не пожелаетъ, — заявилъ мнѣ В. И. Сѣрко-Билинскій. — «Русскій Голосъ» недавно разгромили украинцы.

И все же привелъ онъ виднаго украинскаго дѣятеля, единственнаго, какъ онъ говоритъ мнѣ, въ своемъ родѣ, д-ра Назарука, редактора католической украинской газеты «Новая Заря».

— Невиданное явленіе, — говоритъ г. Сѣрко-Билинскій, — редакторъ «Русскаго Голоса», представитель «Возрожденія» и редакторъ украинской газеты сидятъ за однимъ столомъ....

Г. Назарукъ человекъ культурный, — тоже рѣдкое явленіе среди украинцевъ, — высказываетъ онъ мысли, по сравнению съ тѣмъ, что говорятъ другіе украинцы — полныя здраваго смысла.

— Терминъ «малороссъ», — заявляетъ онъ, — имѣетъ свое историческое оправданіе. Но значеніе словъ мѣняется со временемъ. Прежде вѣдь и слово идіотъ употреблялось въ смыслѣ, скорѣе положительномъ. Терминъ «малороссъ» нынѣ для насъ оскорбителенъ.

Соглашеніе Великобританіи, Украины и Бѣлоруссіи считаю

возможнымъ и даже желательнымъ, такъ какъ только путемъ искренняго соглашенія этихъ трехъ областей, населеніе ихъ получить возможность занять надлежащее мѣсто среди великихъ націй. Первое условіе соглашенія — осужденіе Велико-россій своихъ заблужденій въ прошломъ. Необходимо признаніе равноправія всѣхъ трехъ русскихъ народовъ. «Смѣшать» ихъ въ одно и управлять ими изъ одного центра — Москвы или Петербурга — явно невозможно, — это фантастическій вздоръ. Украинскую націю нельзя задавить, господа русскіе!

Переходимъ къ будущимъ отношеніямъ съ Польшей.

— По моему мнѣнію, Польша въ трагическомъ положеніи. Она самое націоналистическое государство въ Европѣ, а между тѣмъ сорокъ процентовъ ея гражданъ инородцы. Это новая Австрія въ Европѣ. Если Польша сумѣетъ удовлетворить инородцевъ, она сыграетъ большую роль, но если она не успѣетъ сдѣлать этого во время, дни ея, какъ большого государства, сочтены. Не выдержитъ она тогда напора государствъ масштаба Россіи или Германіи.

Огромную роль, въ дѣлѣ сближенія Польши и Россіи, могутъ сыграть галичане. Не взирая на свое оппозиціонное отношеніе къ Польшѣ, которая даже не удовлетворяетъ ихъ культурныхъ требованій, они вскормлены западной культурой. Западная культура проникла въ Галичину черезъ Польшу, — отсюда и нѣкоторое психологическое сходство галичанъ съ поляками. А такъ какъ основа культуры галичанъ та же, что и культуры наднѣпровскихъ украинцевъ и великороссовъ, — галичане призваны установить связь между Польшей и Украиной и Россіей.

**
*

Уніатство дѣлится сейчасъ на два теченія: западническое и византійское. Римъ то одно, то другое выдвигаетъ и поддерживаетъ.

Западники стремятся перейти къ латинскому обряду, архіепископы станиславовскій и тарнопольскій уже установили

безбрачіє для священниківъ. Прямое слѣдствіе ихъ политики — переходъ униатовъ въ православіе.

Во главѣ византійскаго теченія — знаменитый львовскій митрополитъ гр. Шептицкій.

Дворецъ митрополита... Черезъ окна — великолѣпное рококо собора «св. Юра». Св. Георгій на фасадѣ собора, пышный и изогнутый, поражаетъ извивающагося дракона. Пафосъ грандіозный и легкій...

Я пришелъ во дворецъ прямо изъ великолѣпнаго украинскаго музея — музея древняго галиційскаго искусства — созданнаго львовскимъ митрополитомъ: тонкимъ меценатомъ представился мнѣ тамъ гр. Шептицкій.

Вотъ онъ передо мной, этотъ могучій старикъ, высокій, крѣпкій, съ сѣдой, закрывающей грудь, бородой и пухлыми бѣлыми руками — волевой, упорный, мечтающій о патріархатѣ, всѣ силы свои напругающій, чтобы объединить «Ундо» и поляковъ, стать духовнымъ вождемъ украинскаго народа, — къ вящей славы Римской куріи. Вѣрный слуга Рима, облеченный довѣріемъ украинцевъ за горделивое презрѣніе къ нынѣшней польской политикѣ.

Онъ говоритъ со мной ласково, очаровывая улыбкой, мягкостью движеній, величественностью, стараго стиля французской рѣчью. Умные глаза его блестятъ привѣтливо, взглядъ обволакиваетъ. Древніе приемы убѣжденія, приемы австрійской монархіи, впиталъ въ себя этотъ старый царедворецъ.

Какъ мелки кажутся мнѣ теперь и градоначальникъ Клоць и растрепанные украинцы. Честолюбецъ прошлыхъ, далекихъ временъ, точно — придворный версальскихъ королей, говоритъ со мной.

Вотъ онъ говоритъ уже болѣе получаса о вопросахъ важнѣйшихъ и сложныхъ, самыхъ щекотливыхъ и самыхъ опасныхъ, а я замѣчаю, что въ сущности онъ мнѣ ничего не ска-
залъ....

VIII

На своей землѣ. — Хитритъ ли извозчикъ? — Почаевъ. —
Единственная гостиница. — Почаевская лавра. — Архиман-
дритъ Дамаскинъ. — Охраненные отъ большевиковъ.

Это случилось неожиданно, но какъ то такъ естественно, что въ первую минуту я и не понялъ ничего. Но теперь, когда вспоминаю, все это кажется мнѣ сказочнымъ, несбыточнымъ сномъ.

Я выѣхалъ изъ Львова съ разсвѣтомъ, покидалъ «Малопольшу», самостійниковъ, уніатскихъ митрополитовъ и Россіи вѣрныхъ галичанъ — ѣхалъ на Волинь. Какъ ни тѣпился я побороть сонъ, читая украинскую газету, одну изъ чуть ли не двадцати, выходящихъ во Львовѣ, ничего не вышло.

Крикъ кондуктора разбудилъ меня.

— «Рудня Почаевска»!

Только успѣлъ я вскочить, стащить вещи, спрыгнуть съ поѣзда. И уже сзади, бѣгущіе вагоны, а передо мной, жалкій полустанокъ и на платформѣ русскіе мужики. Словно спалъ я не нѣсколько часовъ, а десятилѣтіе.

Сонъ кончился. Я спросилъ по русски, не колеблясь, — потому что въ глазахъ, которые смотрѣли на меня, я узналъ свою родину:

— Какъ проѣхать въ Почаевскую Лавру?

— Въ Лавру? — Мигомъ свезу!

— Чего брешешь! Барина на тарантасѣ твоємъ негодномъ хочешь трясти... Бричка у меня рессорная.

Вотъ несетъ мои вещи здоровенный, лохматый парень, вотъ вышли за полустанокъ — церковь деревянная съ синей маковкой, море ржи и горизонтъ кругомъ. Только тогда пробудился я по-настоящему и — испыталъ щемящее волненіе.

Я стою около брички, грязной, ветхой — продырявлено сидѣнье и торчитъ солома. Вздѣзаетъ извозчикъ, чахлыя клячи — кажется не сдвинутся съ мѣста. Я стою и смотрю на эту церковь, на эту рожь и на этотъ просторъ, я — эмигрантъ, пріѣхавшій изъ Парижа. И вдругъ чувствую, явственно, увѣренно — я здѣсь у себя, на своей землѣ, среди своего народа, здѣсь я имѣю право, неоспоримое, говорить что думаю, что хочу, говорить со всякимъ по-русски, въ свою очередь смотрѣть свысока на пришлаго чужеземца.

Отъ ухаба къ ухабу, по дорогѣ, которая и въ кошмарѣ не снилась парижскому автомобилисту, черезъ убогія деревни съ соломой крытыми хатами, мимо бабъ, полощущихъ бѣлье въ прудахъ, мимо скрипучихъ телѣгъ, мимо мужиковъ, снимающихъ шапки — ѣдемъ мы три часа, двадцать пять верстъ, отъ видѣнія къ видѣнію, въ странномъ, невѣроятномъ царствѣ.

— Нинно! Нинно! — кричитъ извозчикъ, помахиваетъ кнутомъ. Клячи тащатся, хлопаютъ въ лужахъ, а кругомъ рожь въ василькахъ.

— Что обижаютъ поляки?

Мужикъ оборачивается, зачѣмъ-то даже лошадей останавливаетъ.

— Не то, что обижаютъ, а такъ бы сказалъ — полякъ больше собаку любитъ, чѣмъ русскаго человѣка....

Онъ принимается ругать «осадниковъ», польскихъ солдатъ, посаженныхъ на русскую землю, всякими льготами надѣленныхъ, для колонизаціи края.

— Вотъ гдѣ живетъ проклятый, — ткнувъ кнутомъ на

крѣпкій новый домикъ, говоритъ извозчикъ. — Его табачная лавка и коровы его, какъ кто обзаведется хорошо, значить «осадникъ», а мы хуже скота и земли нѣтъ, хозяйства не заведешь никакого. Откуда денегъ взять?

Прошла баба — кувшинъ у нея подъ рукой: земляника. Зарумянилась:

— Купите...

Мой извозчикъ смѣется, по малорусски перешучивается съ ней. Лицо бабы становится совсѣмъ краснымъ. Молодая, свѣжая, быстро, быстро лопочетъ — и какъ дешева земляника, и какъ долго собирала, и какъ рада, что прїѣзжій гость ея земляники откушаетъ. За злотый (меньше 3 фр.) беру огромный кувшинъ и ѣдимъ мы ягоды: извозчикъ и я, всю дорогу.

— Всѣ здѣсь по русски говорятъ, — заявляетъ онъ, — вотъ, развѣ что, молодые, тѣ ужъ не знаютъ, не вѣрно по-русски въ школахъ учить.....

Говоримъ про большевиковъ, про «щирыхъ украинцевъ», выпытываю, понимаетъ ли онъ, что — русскій, такой же вотъ, какъ и я. Извозчикъ ругаетъ большевиковъ, ругаетъ украинцевъ и вдругъ съ жаромъ начинаетъ славить «старый режимъ».

Что то словно полоснуло меня.

Да, русскій этотъ мужикъ — на его улыбку, на глаза достаточно взглянуть, чтобы понять это. Но вотъ ощущаю, говори я обратное, онъ также поддакивалъ бы мнѣ. Но безусловно, ощущаю я также, искрененъ онъ, когда ругаетъ поляковъ, — ближе ему я, чѣмъ «осадникъ». Говоритъ:

— Нашъ баринъ вы, прїятно и подвезти.

Хитрить онъ со мной, ждетъ на водку? Можетъ и хитрить, но въ его словахъ не одна только хитрость.

Перекрикивается съ прохожими мужиками. Малорусскій языкъ на Волини, — но что общаго между этимъ языкомъ и тѣмъ, на которомъ написана украинская газета, купленная мною въ Львовѣ?

Сосновый лѣсъ, между двухъ дорогъ — поколъ.

— Царь проѣзжалъ, — объявляетъ извозчикъ, — здѣсь

останавливался, вотъ и поставили памятникъ, а поляки все стерли, что было написано.

**
*

Вдали, надъ зеленымъ холмомъ, бѣлыя глыбы, купола синіе, золотые, высокая колокольня — лавра, величайшая святыня Западной Руси.

Подъ гору въѣзжаемъ въ Почаевъ. Еврейское мѣстечко, смотреть на насъ еврейскія лица, но здѣсь евреи не въ лапсердакахъ, какъ въ Польшѣ.

Гостиница. Пожилой архимандритъ, управляющій, встрѣчаетъ меня, велитъ дать лучшую комнату — я изъ Парижа...

Въ лучшей комнатѣ ни воды, ни полотенца. Долго ищутъ полотенце по всей гостиницѣ.

Единственная эта гостиница въ Почаевѣ, убогая, хмурая, а въ лавру въ великіе праздники приходитъ до пятнадцати тысячъ богомольцевъ — ночуютъ у крестьянъ или въ шолѣ.

Боже, какъ все это отлично отъ святынь католичества, отъ Лурда, отъ Лизье! Безвкусіе ихъ, шаблонъ, фальшь, чужды православію. И все же, какъ то невѣроятно, что вокругъ знаменитой, громадной лавры — это глухое мѣстечко, къ которому доступъ со станціи, лишь на лошадяхъ, да на автобусѣ изъ Кременца.

**
*

Я въ лаврѣ. Цѣлый городъ храмовъ, колоколенъ, куполовъ: пышное, легкое рококо и казенное подражаніе русскому стилю. На большихъ мощеныхъ дворахъ монахи въ старыхъ поношенныхъ рясахъ. Длинные коридоры. Вотъ проходятъ они неслышной, быстрой поступью. Какое-то грустное, гнетущее впечатлѣніе, — стѣны потрескались, неустроено все, ветхо. Въ огромныхъ храмахъ блестящіе богатствомъ иконостасы, серебрямъ отдѣланные престолы говорятъ о быломъ величіи. Тягостно смотрѣть на безстильную, невдохновенную живопись,

лишенную пышнаго нѣкогда окруженія: поблекли краски, давно не чищено серебро.

По храмамъ я хожу съ монахомъ. Онъ совсѣмъ маленькій, услужливый, все объясняетъ и все жалуется на тяжкія времена. Вотъ и чудотворная икона, вотъ и пещерная церковь, гдѣ мощи преподобнаго Іова, игумена и чудотворца почаевского, вотъ и цѣлбоносная стопа Богородицы — святыни, слава которыхъ обошла все православіе, передъ которыми, вѣка и вѣка, каждый годъ сотни тысячъ людей склоняли колѣна. Гулки храмы и просторны своды. Самодержцы всероссійскіе бывали здѣсь, величественные митрополиты служили тутъ передъ алтарями и со всей Руси приходили сюда за успокоеніемъ, за исцѣленіемъ, за счастьемъ. Словно злой вѣтеръ пронесся по лаврѣ и изсушилъ ее. Здѣсь были австрійцы въ годы войны, здѣсь были большевики, поляки посягаютъ на святыню, почаевскихъ храмовъ судомъ требуютъ католики, украинцы подкапываются подъ нихъ — потому, что русская, а не украинская, іерархія во главѣ православія. Стоитъ, пронизываемая злыми вѣтрами Почаевская лавра и ждетъ лучшихъ дней, новаго величія.

Электрическая станція лавры питаетъ весь Почаевъ, иконописная мастерская поставляетъ иконы на всю православную Польшу, сотни тысячъ людей приносятъ сюда свои дары, тысячью десятинъ владѣть лавра — впрочемъ, не совсѣмъ владѣть: земля дана на «представительство» настоятелю лавры варшавскому митрополиту. — Но гдѣ-же больница лавры, въ которой могли бы лечиться всѣ окрестные обитатели, гдѣ просвѣтительная ея дѣятельность, сіяніе православія, которое должно исходить отъ нея на всю Волицю?

Налоги обременяютъ лавру, нѣтъ болѣе власти, которая осыпала ее своими щедротами, а доходы ея тысячами и тысячами идутъ въ Варшаву, въ синодъ — такъ желаетъ ея настоятель, митрополитъ всея Польши Діонисій.

Прямыхъ ущемленій нѣтъ православію со стороны поля-

ковъ. Но православные монастыри не имѣютъ права открывать школы, священникамъ воспрещено преподавать русскій языкъ, даже Законъ Божій должны преподавать по украински и тѣснять ихъ, если по русски говорятъ проповѣдь. Нѣтъ въ школьныхъ программахъ ни церковно-славянскаго языка, ни церковно-славянскаго пѣнія. Двадцать милліоновъ католиковъ въ Польшѣ — двадцати милліонамъ золотыхъ равняется правительственный бюджетъ католическихъ приходовъ. Пять милліоновъ православныхъ въ Польшѣ — всего лишь полутора милліона достигаетъ православный правительственный бюджетъ.

Семинарія въ Кременцѣ украинизирована, а украинскихъ церковныхъ книгъ не существуетъ. Преподаютъ профессора по собственнымъ запискамъ, переводя тутъ же на лекціи русскій текстъ на украинскій. А въ варшавскомъ богословскомъ факультетѣ все преподаваніе по польски, и только проф. Арсеньеву разрѣшили читать по русски.

**
*

Помощи лавра ни откуда не ждешь.

Что можетъ сказать почтеннѣйшій, благочестивый и дѣятельный ея настоятель, намѣстникъ митрополита, архимандритъ Дамаскинъ?

— Статутъ необходимъ, — говоритъ онъ, — и необходима надежда, ибо безъ надежды — что бы мы дѣлали?

Статутъ долженъ дать соборъ. Сколько на этотъ соборъ возлагаютъ надеждъ и сколько уже русскихъ увѣрено заранѣе, что не исполнить онъ своего назначенія.

Вспоминаю слова одного священника:

— Руководители православной церкви въ Польшѣ оказались какъ бы на оторванной льдинѣ; по случайному признаку собравшіеся, они ничѣмъ не объединены; привыкшіе къ вѣковой зависимости отъ государства, они не въ силахъ выдерживать упавшее на нихъ бремя, разрѣшить одну изъ труднѣйшихъ задачъ въ исторіи православія.

Да и кто справился бы съ ней? — Какъ сохранить свое лицо и жить въ мирѣ съ католицизмомъ? Какъ огородиться отъ украинства — разъ лишь оно признается польской властью?

**
*

Намѣстникъ благословляетъ меня, привѣтливо улыбается на прощанье. Красиво, мужественно лицо архимандрита и какъ хороша здѣсь, передъ образами, его высокая фигура въ бѣлой рясѣ.

Чудный видъ съ лавры, вся равнина подъ ногами — церкви, деревни, поля, Россія разворачивается передо мной.

Выхожу изъ лавры, иду мимо еврейскихъ лавокъ, — богомельцы покупаютъ «святія воспоминанія», — черезъ мѣстечко, гдѣ мѣщаночки на скамейкахъ выслушиваютъ комплименты мѣстныхъ телеграфистовъ. Иду въ скитъ, за двѣ версты отъ Почаева.

Тиха жизнь въ скиту, монахи и пчелы. Монахи простые совсѣмъ, тѣ же крестьяне, говоръ у нихъ полумалорусскій.

Пожить бы здѣсь съ ними нѣсколько дней, приобщиться русскаго воздуха, русской земли...

Иду обратно. Впереди — купола лавры, сзади — маковка скита, рожь, извилистая дорога, гдѣ-то слышится протяжное, грустное пѣніе. Тѣмнѣетъ, звонятъ колокола, гулъ ихъ прокатывается по ржи, по полямъ. Вотъ прошелъ съ косою за плечами мужикъ въ картузѣ, вотъ ѣдетъ навстрѣчу телѣга и приковывается мой взоръ, на мигъ все кругомъ застилая, красный платокъ и подъ нимъ курносое, круглое лицо...

Здѣсь территорія польской республики. Кусокъ русской земли, охраненный отъ большевиковъ...

IX

**Хорошій городъ Ровно! — Сплоченная русская организація.
— Веселится ровненская пѣхота. — Въ автобусѣ. — Больше-
визмъ на кресахъ. — Луцкъ. — Воевода Юзевскій открыва-
етъ свои карты. — Епископъ Желензакъ. — «А вдругъ всѣ
православные станутъ уніатами».**

Съ гиканьемъ, свистомъ гонить извозчикъ, подпрыгива-
емъ по мостовой. Не по русскому одѣтъ парень на козлахъ, фу-
ражка, блестящія пуговицы... но чисто по русски ругаетъ онъ
лошадь и освѣдомляется у меня:

— Чай, давно не были въ Ровнѣ?

— Никогда не былъ.

— Хорошій городъ, эхъ, хорошій! Паркъ, ресторація съ
музыкой, гостиница — первый сортъ. Въ свое удовольствіе
поживете.

— Что, не забыли здѣсь еще по русски?

— Да, какъ же иначе то говорить въ Ровнѣ? Поляки раз-
вѣ всѣ эти?

Смотрю кругомъ — базаръ. «Всѣ эти» толпятся, спорятъ,
бранятся, насѣдаютъ другъ на друга. Долетаютъ обрывки
фразъ: русскій и жаргонъ. Ровненскіе евреи, т. е. большин-
ство города, — остались вѣрны имперскому языку, польскій,
оказывается, употребляютъ лишь въ случаѣ необходимости.

Хорошій городъ Ровно! Я въ «самой роскошной» гостиницѣ, на главной улицѣ — нѣкогда «Шоссейной», нынѣ, не просто какъ нибудь, а — «Третьяго мая». Проведенной воды нѣтъ и въ поминѣ. Умывальникъ съ какимъ то страннымъ приспособленіемъ, даже изумился въ первую минуту, съ непривычки — педаль нужно нажать, чтобы потекла вода.

А мостовая! Глубокую радость будить во мнѣ ровненская мостовая. Не видалъ я такой съ девятнадцатаго года. Вотъ ужъ дѣйствительно: «когда жъ, постраниствуешь, воротись до-мой...»

Лишь выйдешь за Шоссейную, съ домами неуклюжими, средне-купеческаго типа, такъ сразу деревня — бѣлыя малороссійскія хаты, огороды и черешни.

А Ровно разраслось, украсилось. Въ новомъ государствѣ, когда возможны еще были въ Польшѣ дѣла, Ровно было начало походить на большой торговый центръ; население чуть ли не учетверилось.

Разговариваю въ лавкахъ съ евреями, — пропитаны русской культурой. Не то чтобы ненавидѣли поляковъ, но въ общемъ не принимаютъ Польшу всерьезъ. И русскіе полицмейстеры, и наши порядки, и россійскій государственный гербъ были вѣдь какъ то солиднѣе...

Польскую рѣчь слышу только на вокзалѣ. И въ русскихъ областяхъ желѣзнодорожные служащіе исключительно поляки, вплоть до носильщиковъ: «польская пропаганда» для иностранцевъ.

Соборъ, громоздкій, тяжелый, какъ и царь его заложившій — время Александръ III соборъ. Настоятель собора — одинъ изъ крупнѣйшихъ водителей православія въ Польшѣ — о. Рогальскій.

Въ саду собора сижу я съ русскими ровненскими дѣтелями. Совсѣмъ въ Россіи — соборъ, русскіе люди около него, не бѣженцы, а коренные, здѣшніе, и только рябятъ въ глазахъ нелѣпыя здѣ польскія вывѣски.

Крѣпко сплочена русская организація въ Ровнѣ. Велики уже ея достиженія. Русский домъ построенъ на русскія средства. Въ Ровнѣ — русская гимназія, лучшая въ Польшѣ, съ польскими правами, что уже совсѣмъ рѣдкость. Всего русскихъ гимназій въ Польшѣ семь: въ Варшавѣ, Вильнѣ — двѣ, Луцкѣ, Ровнѣ, Брестъ-Литовскѣ и Лунинцѣ. Всѣ содержатся на свой счетъ. Правительство даетъ субсидіи украинцамъ, бѣлоруссамъ, но не «россійскимъ». Начальной же русской школы нѣтъ во всей Польшѣ. — Зато сколько угодно украинскихъ.

Помѣщеніе гимназій, великолѣпная библіотека, педагогическій персоналъ вызываютъ зависть у поляковъ и самоистійниковъ. Каждый годъ, вотъ уже семь лѣтъ, выпускаетъ русскихъ по духу воспитанниковъ русская гимназія въ Ровнѣ.

Маленькая подробность — баломъ русской гимназій начинается ровненскій сезонъ. Сколько русскихъ въ Ровнѣ — въ самомъ городѣ нѣтъ украинскаго засилья, — а всего лишь одинъ русскій представитель въ городскомъ совѣтѣ!

Одно изъ главныхъ заданій представителей польской власти на кресахъ — стараться никуда не пропустить русскихъ кандидатовъ. Прибѣгаютъ ко всѣмъ тѣмъ способамъ, за которые въ вое время такъ возставали противъ русскихъ чиновниковъ... Въ русскихъ деревняхъ назначаютъ выборы въ базарный день, объявляютъ о нихъ чуть ли не наканунѣ, вызываютъ, якобы по неотложнымъ дѣламъ, «ненадежныхъ» выборщиковъ въ полицію, какъ разъ когда надо голосовать и т. д. и т. д. Результаты: въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ — за русскаго — оказывается подано недостаточное число голосовъ... Все же 150.000 человѣкъ голосовало за русскій списокъ въ сеймъ, а прошелъ лишь одинъ депутатъ!

**
**

Что дѣлать въ Ровнѣ вечеромъ? — Разъ я въ «самой роскошной» гостиницѣ, пойду въ «самый роскошный» ресторанъ.

Настоящій русскій ресторанъ, не то что въ Парижѣ: лакеи — подлинныя лакеи, швейцаръ — подлинный швейцаръ.

Гремитъ оркестръ, здѣсь оказывается знаменитый въ Ровнѣ «шантанъ».

Смотрю, не налюбуюсь. Кутятъ г. г. офицеры. Пьютъ водку, пиво, и снова водку — такъ легче и дешевле напиться. Хорошій кутежъ, во всю... Кутить могутъ г. г. офицеры лишь первые три-четыре дня мѣсяца — по 300 злотыхъ получаютъ младшіе изъ нихъ. Поэтому то такъ мало польскихъ офицеровъ въ штатскомъ — форма дешевле.

Полусвѣтъ: танцовщица, не очень молодая, не очень легковѣсная, вся въ блесткахъ. Г. г. офицеры даже привстали. «Нехъ жіе!», «Нехъ жіе!» — звякнулъ объ полъ стаканъ. Веселился ровненская пѣхота. Скучно вѣдь г. г. офицерамъ въ Ровнѣ до одури.

Прошли война, революція, родилось новое государство, но такъ же пьютъ, такъ же живутъ въ Ровнѣ польскіе офицеры, какъ пили и жили герои купринскаго «Поединка».

**

Изъ Ровна въ Луцкъ идутъ автобусы. Снова среди русскихъ лѣсовъ, полей. Но сами пригороды довольно однообразны. Черезъ каждую полуверсту казарма, надпись — такой то стрѣлковый полкъ и усатый бюстъ маршала.

Въ автобусѣ дьяконъ и нѣсколько мужиковъ.

Дьяконъ спорить съ мужиками:

— Не поляки вы, для поляка вы нуль, и не украинцы, украинцевъ тотъ же полякъ выдумалъ. Русскіе вы, помнить должны это денно и нощно.

Одинъ изъ мужиковъ:

— Это напрасно про украинцевъ. Вотъ коммунисты говорятъ, что попы за старый режимъ. Поляки, тѣ — буржуи, а украинцы стоятъ за народъ.

**

Оболышевичены ли въ конецъ окраины польской республики? Трудно на это отвѣтить въ настоящее время. Пренебреженіе поляковъ къ русскому населенію будить у него озло-

бленіе, а такъ какъ полякъ для мужика — панъ, то его озлобленіе оборачивается противъ пановъ вообще. На національныхъ чувствахъ играютъ здѣсь большевики. Дѣйствуютъ «сельробовцы». Деревня украинизируется. Снуютъ большевическіе агенты, заявляютъ — «нѣтъ у насъ пановъ, нѣтъ притѣсненія», и такъ же, какъ Галиція, kloпочуть Польшу и Волинь. Совѣтъ близко совѣтская граница, съ той стороны просасывается сюда коммунизмъ. И не на кого опереться русскимъ.

Непосильные налоги, кризисъ, недовольство, двуличіе польской политики, самостійники — дѣлають свое дѣло.

**
*

Луцкъ нѣкогда славился изюмскими гусарами. Остались отъ нихъ лишь воспоминаніе, трепеть въ сердцахъ начинающихъ сѣдѣть луцкихъ обитательницъ, ресторанъ на главной улицѣ, который содержится бывшимъ изюмцемъ, да могилы двухъ-трехъ офицеровъ на кладбищѣ возлѣ собора.

Луцкъ нынѣ славится воеводой Юзевскимъ.

Воевода Юзевскій — человѣкъ будущаго, такимъ считаютъ его даже оппозиціонеры. Независимый, близкій къ Бартелю и въ то же время облеченный довѣріемъ «полковниковъ», честолюбивый, совѣтъ еще молодой, — ему нѣтъ сорока — ловкій, покладистый, но упорный. Знаменитъ на Волини, какъ ярый украинизаторъ, зовутъ его въ Луцкѣ «украинскимъ баткой». Самъ фактъ, что «полковники» послали его проконсуломъ на Волинь, вскрываетъ сущность ихъ русской политики.

Любопытна личность Юзевскаго: два раза польскій министръ внутреннихъ дѣлъ, — подчеркиваю, польскій, потому, что нѣкогда, въ Винницѣ, онъ былъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ у Петлюры, — страстный музыкантъ, — окончившій въ Кіевѣ математическій факультетъ.

Зданіе воеводства. Прежде въ немъ помѣщалась русская казенная мужская гимназія. Надъ воеводствомъ — купола православнаго собора, словно воеводство пристройка собора.

У воеводы важное совѣщаніе. Чуть ли не всѣхъ старостъ (уѣздныхъ начальниковъ) вызвалъ онъ въ Луцкъ. Сіжу въ большой залѣ передъ кабинетомъ Юзевскаго, здѣсь же и старосты. Звонокъ — подходитъ секретарь, объявляетъ: «г. староста **, къ г. воеводѣ». Староста старается сохранить равнодушное выраженіе, обдергивается, провѣряетъ прическу, секретарь распахиваетъ передъ нимъ двери.

Въ ожиданіи пріема г. г. старосты рассказываютъ другъ другу анекдоты для «некурящихъ». Замѣчаю лишній разъ, поляки изъ русской Польши, когда говорятъ о чемъ либо веселомъ, любятъ вставлять русскія выраженія, словно русскій языкъ связанъ у нихъ съ хорошей жизнью.

Вотъ одинъ изъ старостъ вызываетъ по телефону свой городъ, онъ пригласилъ коллегъ къ обѣду и заказываетъ меню. Раковъ требуетъ онъ. Очевидно его плохо слышатъ. «Раковъ, раковъ», кричитъ уже въ трубку староста.

Старосты кругомъ хохочутъ, хоромъ тоже начинаютъ кричать — по русски: «Давайте раковъ, давайте раковъ!».

Важное совѣщаніе въ разгарѣ.

**

Я въ кабинетѣ воеводы. Пріятное лицо у г. Юзевскаго, любезенъ онъ, словно вотъ сейчасъ скажетъ мнѣ, что любитъ все русское. Просить меня говорить по русски, но самъ, увы, не можетъ — забылъ, молъ, русскій языкъ. Неуклюжій тактический пріемъ — всѣмъ въ Луцкѣ извѣстно, что Юзевскій прекрасно говоритъ по русски. Волынь не Варшава, не хватаетъ здѣсь у поляковъ самоувѣренности, нужно всячески подчеркивать принципъ польской государственности. Спрашиваю:

— Признаете ли вы, г. министръ, русское меньшинство?

Воевода хмурится. — Хотите — скажу да, хотите — нѣтъ. «Россійскіе» это вѣдь бывшіе чиновники, а населеніе украинское.

Очевидно, чтобы мысль его была вполнѣ мнѣ ясна, воевода вдругъ переходитъ на русскій языкъ:

— Ну скажите, пожалуйста, — кто говорит здѣсь въ деревнѣ на великорусскомъ нарѣчій?

— Великорусское нарѣчіе? — Извините, г. министр, но этотъ терминъ мнѣ не вполне ясенъ.

Воевода, снова по польски:

— Ахъ прѣстите, не такъ хотѣлъ выразиться. Но вы не станете отрицать — русское движеніе здѣсь слабое. Развѣ можно всерьезъ говорить объ Р. Н. О.?

Быть можетъ отчасти и правъ воевода. Но вотъ какъ только русскій дѣятель выдвинется, стараются его «ликвидировать». Способы разные. Напримѣръ, случай съ Кисловскимъ, помѣщикомъ въ Полѣсьи. Лишь получилъ онъ вліяніе, доказали, подъ разными предлогами, что не имѣетъ права на польскій паспортъ и перевели на положеніе эмигранта...

Соборъ православной церкви?.. Воевода заявляетъ:

— Буду говорить цинично. Вы вѣдь знаете мою роль въ дѣлѣ подготовки собора. Соборъ для насъ желателенъ потому, что онъ разъ навсегда порветъ связь православной церкви съ Москвой.

Претензіи католиковъ на православные храмы?... — Лучшій соборъ не отберутъ. Думай я, что отберутъ, не водилъ бы туда президента республики... Всѣ эти споры окончатся миромъ.

Украинскій вопросъ?... — Если будетъ самостоятельная Украина, — то не потому, что такъ хочетъ Польша. Исторія сложнѣе, — не правда ли?

Но посмотрите какъ спокойно на Волини (явный официальный оптимизмъ). Я смѣюсь, когда узнаю, что къ намъ пріѣхалъ московскій агитаторъ и сорить деньгами по деревнямъ. Поймите, мы не боимся на Волини никакой конкуренціи, ни большевицкой, ни украинской.

Г. воевода открылъ мнѣ свои карты. Да, не боятся поляки украинской конкуренціи, но боятся русской, поэтому уже лучше постараться всѣхъ украинизировать. Но какой все таки страхъ у поляковъ передъ Россіей!

Луцкъ залить солнцемъ. Городъ блестить, кажется яркимъ, какъ городъ юга. Блестить рѣка, блестятъ древней славой овѣянные развалины замка, золото куполовъ, пестрыя вывѣски, желтые, красные дома: радужная Малороссія.

Центръ украинства. Церковь св. Троицы захвачена украинцами; одна изъ рѣдкихъ церквей, гдѣ и литургія по украински, по переводу тов. предс. предсоборнаго совѣщанія И. И. Огіенко. Этотъ переводъ даже поляки считаютъ нецѣпостью. Г. Юзевскій заявилъ мнѣ:

«Украинскій переводъ литургіи требуетъ вдохновенія. А надъ работой г. Огіенко можно только смѣяться»...

Часовня, копія Иверской, построилъ ее начальникъ пѣхотной дивизіи генераль Панютинъ. Въ ней тоже засѣли самостійники. Но все же систематическая украинизація церкви — провалились: не удалось украинцамъ образовать свою церковь. Поляки изыскиваютъ новые пути.

На улицахъ, плакаты: «Украинцы — въ Канаду, по удешевленнымъ цѣнамъ, побѣжайте туда и организуйтесь». Мечта о Канадѣ, о созданіи тамъ украинской арміи противъ Россіи, противъ Польши...

Пробовали, было, поляки организовать части изъ вѣрныхъ имъ петлюровцевъ, но петлюровцевъ почти нѣтъ, а есть — лишь враги Польши.

Луцкій епископъ Желензакъ, одинъ изъ самыхъ воинственныхъ прелатовъ Польши. Клерикаль старой школы.

— Помилуйте, — заявляетъ мнѣ, — зачѣмъ же вы говорите со мною по польски? — Вѣдь мы на Волини...

Пріемъ болѣе ловкій, чѣмъ у г. Юзевского.

Маленькаго роста, пожилой, съ блестящими глазами, страстный въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи.

Высказываю ему все, что думаю объ искахъ католическихъ курій: что церкви если и были уніатскими, то содержа-

ніе ихъ за сто лѣтъ больше стоило, чѣмъ сама постройка, что разъ все населеніе перешло въ православіе, значить съ нимъ перешли и церкви и, наконецъ, что въ десяткахъ случаевъ, будь требованія католиковъ удовлетворены, тысячи православныхъ лишились бы церкви и ею бы никто, кромѣ священника и сторожа, не пользовался, такъ какъ въ окрестностяхъ нѣтъ ни одного католика...

— Да, да, не буду съ вами спорить, хотя вы и не совсѣмъ правы, — быстро, быстро говоритъ епископъ. — Вѣдь церкви, которыя мы требуемъ, дѣлятся на бывшія латинскія и бывшія уніатскія. Латинскихъ, какъ оказывается, не болѣе однако двадцати). Латинскія, должны быть возвращены — вѣдь это справедливо. А уніатскія останутся у православныхъ, пусть они не беспокоятся. Мы лишь потому возбудили процессы, что истекала десятилѣтняя давность. Не могли мы терять право на церкви. А вдругъ православные обратно вернутся въ уніатство! Вотъ на этотъ случай мы и приняли мѣры.

Невѣроятныя слова! Дамокловъ мечъ надъ русскими церквами только потому... что вдругъ перейдутъ православные въ уніатство. Но какъ скромны теперь стали требованія католическихъ епископовъ! Видно, все же сильно сошпотивленіе православія, да и «полковники» принажали, гдѣ слѣдуетъ...

Епископъ провожаетъ меня. Вдругъ голосъ его понижается, говоритъ проникновенно:

Спасеніе въ единеніи церквей и вы, мой сынъ, должны это понять. Запомните мои слова и всюду повторяйте. Вы подходите, вѣрьте мнѣ, для нашей спасительной миссіи.

Почему!?

Видно епископъ счелъ бы за грѣхъ хотя одинъ разъ не подумать о прозелитизмѣ...

Х

Барановичи, — большая деревня. — Бѣлорусскіе мужики. — Столпы. — Мысли въ жару. — На пути къ совѣтской границѣ. — Большевицкая арка и пятиконечная звѣзда. — На совѣтской территоріи. — Насъ снимаютъ. — Вдоль границы. — Бесѣда съ совѣтскимъ кондукторомъ.

Барановичи, мѣсто историческое, большая деревня, широко раскинувшаяся, однообразная, рѣдко застроенная. Бѣлоруссія. Говоръ здѣсь у мужиковъ жесткій, гортанный. И пейзажъ жесткій — хвойные лѣса, поля, ни единого холма кругомъ, сѣрыя хаты и сѣрыя рубахи мужиковъ.

Воскресное утро. Тянутся по улицамъ мужики изъ окрестныхъ селъ. Иду рядомъ съ крестьянской семьей.

— Ну, конечно, мы русскіе, — говоритъ старшій, бородатый, приземистый мужикъ, — бѣлоруссы значить.

Молодой, картузь у него набекрень, смотритъ на меня исподлобья. Не понимаетъ, кто я, — а вдругъ пойду да расскажу польской полиціи, что ругали мнѣ они «осадниковъ», да какъ ругали!...

Убогая, деревянная церковь въ Барановичахъ. Теперь строить новую, но когда выстроить, только гадать можно. Скупое правительство на субсидіи.

Босыя бабы кормятъ дѣтей на травѣ. Толпа въ церкви.

Сзади глядя — несчетные загорѣлые затылки и пестрые, бѣлые, красные, синіе, всѣхъ цвѣтовъ, платки. А за затылками, за платками пламя свѣчей и сверкающій подъ нимъ иконостасъ. Служить батюшка, старый благодущный; такъ душевно читаетъ онъ слова Евангелія, такъ плавно, такъ любовно благославляетъ склонившіяся головы.

Въ Барановичахъ польская начальная школа, есть и еврейская. Бѣлорусскому языку обучаютъ, русскому, конечно, нѣтъ. Но Законъ Божій здѣсь преподается по-русски... Обѣлорусситъ населеніе полякамъ не удалось. Если бѣлоруссомъ-самостійникомъ объявить себя мужикъ, значить большевикъ или полу-большевикъ. Бѣлоруссовъ начали бояться поляки послѣ процесса большевицкихъ «хуртковъ», революціонныхъ бѣлорусскихъ союзовъ, нынѣ воспрещенныхъ. Но признать населеніе русскимъ, поляки и не думаютъ, и когда бѣлоруссы дѣйствуютъ противъ русскихъ — ихъ поддерживаютъ.

Пріѣхалъ я въ Барановичи специально, чтобы получить пропускъ къ совѣтской границѣ. Каменные, новые дома — цѣлый кварталъ. Здѣсь живутъ чиновники, а кругомъ, казармы — близко отъ мѣста, гдѣ стояли поѣздные составы штаба верховнаго главнокомандующаго. Такъ и запомнились отъ Барановичей: евреи, русскіе крестьяне, а въ центрѣ — чиновники и солдаты.

Оказалось, разрѣшеніе нужно брать въ Столпцахъ.

**

Столпцы, какъ и Барановичи — огромная деревня и такъ же какъ въ Барановичахъ живутъ въ Столпцахъ почти одни евреи, а въ центрѣ — правительственныя зданія.

Станный городъ Столпцы, странный потому, что жизнь въ немъ мирная, обыденная, а это послѣдній городъ на рубежѣ новой Европы, — дальше уже все иное, непостижимое: черезъ пятнадцать верстъ совѣтская граница.

Жизнь обыденная, но разговоры столпчанъ полны невольнаго, волнующаго любопытства, — а что тамъ, за пятнадцатой верстой?

— Въ Минскѣ свинью коммунисты ввели въ синагогу, раввинъ рассказывалъ, что бѣжалъ оттуда.

Къ осени снова крестьяне побѣгутъ. Теперь меньше перебѣжчиковъ стало. Тройные кордоны поставили большевики. Но осенью все прорвутъ, увидите...

**

Тихо течетъ Нѣманъ, купаются дѣти, весель ихъ смѣхъ, шумны всплески воды. Жалкій, хилый еврей идетъ за мной. Догоняетъ, отстаетъ, снова догоняетъ — старается уговорить меня продать ему все, что привезъ съ собой: онъ больше всѣхъ платитъ за поношенное платье. Чеснокомъ несетъ отъ него, чеснокомъ несетъ отъ еврейскихъ лавочекъ возлѣ моста. Скученное, нищее гетто. Такимъ же было оно и сотни лѣтъ назадъ.

Сегодня я увижу совѣтскую границу.

**

Не такъ то ужъ просто оказывается проѣхать на границу. Староста объясняетъ мнѣ:

— Не могу дать вамъ разрѣшеніе. Вѣдь это какъ бы фронтъ. Каждую ночь гдѣ нибудь стрѣльба. Отвѣтственности яе хочу брать. Долженъ запросить министерство...

Томительные часы ожиданія. Жара угнетающая. Безцѣльно хожу по столическимъ улицамъ. Изучилъ ихъ кажется такъ, что никогда не забуду — и зачѣмъ мнѣ это? Базаръ съ пыльными подводами, Рахили на порогахъ, возъ съ сѣномъ, солдаты у забора учатъ дѣвку курить, лаетъ собака, куры, и снова откуда то понесло чеснокомъ...

Лѣнныя мысли, лѣнныя разговоры въ такую жару.

Объясняетъ мнѣ какой то польскій чиновникъ:

— Устраиваются всѣ у насъ перебѣжчики, вотъ одинъ слесаремъ здѣсь работаетъ, другой на заводѣ.

«Перебѣжчики? Откуда? — Ахъ, да, оттуда. Изъ неизвѣстности, небытія...»

Жара...

**
*

Радостная вѣсть — министерство пропускаетъ меня на границу.

Заполняютъ какой то особый бланкъ. Староста заявляетъ:

— Я позволю на пограничный пунктъ. Васъ встрѣтитъ комендантъ, но смотрите, никуда не ходите одинъ, ни за что нельзя тамъ ручаться.

**
*

Я подошелъ къ тайнѣ.

— Нельзя входить на перронъ!... — прокричалъ полицейскій.

— Почему?

— Поѣздъ въ совѣтскую Россію стоитъ на пути...

Издали вижу длинную вереницу вагоновъ. Стараюсь разглядѣть лица, глаза людей, которые сидятъ тамъ. Слишкомъ далеко, но слышно, по русски говорятъ.

Какъ пробѣжать до Колосова, пограничнаго пункта? Скорѣй всего летучкой, совѣтуютъ мнѣ. Летучка — польскій товарный поѣздъ, идетъ изъ Столпцовъ въ Негорѣлое.

**
*

Влѣзаютъ со мной унтеръ-офицеръ и три солдата съ винтовками. Эскортъ поѣзда до Колосова. Мчимся среди густыхъ хвойныхъ лѣсовъ. Столбы, провода, столбы — безконечна ихъ вереница, такъ же будутъ бѣжать они мимо оконъ вагона, когда минетъ рубежъ, когда кончится нашъ міръ, въ такихъ же лѣсахъ, по такимъ же полямъ. Пятнадцать минутъ ѣзды, но какъ онѣ тянутся. Ни о чемъ другомъ нельзя думать. Близко... совсемъ близко. Кругомъ — безлюдье, два километра отъ границы, никого сюда не пускаютъ.

— Подѣзжаемъ, — говоритъ унтеръ-офицеръ.

Высовываюсь изъ окна. Вѣтеръ. Какіе то дома впереди, мчится навстрѣчу намъ, словно выпрыгнувшая изъ-за поворота, дикаго вида, высокая, сѣрая арка и ударяетъ въ глаза огромная надпись:

«Привет трудящимся запада».

А надъ надписью — пятиконечная звѣзда.

Еще мгновенье, и арка будетъ надъ нашими головами. Поѣздъ рѣзко замедляетъ ходъ. Остановился. Арка передъ самымъ паровозомъ. Гдѣ «мы» и гдѣ «они»? — Ничего не понять. Схожу, глядя «туда» — сѣрое небо, лѣсъ, чуть-чуть качаются верхушки деревьевъ, рельсы тянутся вдаль... Который же домъ «нездѣшній»?

— Очень пріятно, позвольте представиться, капитанъ **. Господинъ староста предупредилъ...

Это меня встрѣчаетъ комендантъ пограничнаго пункта.

Дома розовые, каменные — польская сторона. Въ двухъ стахъ метрахъ, не больше, за аркой — не то вилла, не то изба — большевики. Нѣмцы построили этотъ домъ во время войны — полустанокъ. Налѣво — хата, жилище большевицкаго коменданта. Деревянная арка — явная потуга на новую архитектуру. Въ сіяніи шпировъ, серпъ и молотъ. Надъ аркой красный флагъ.

Еще ближе къ намъ столбъ, бѣло-амарантовый, польскій; за нимъ другой, желто-зеленый — цвѣта Бѣлоруссіи, — советскій.

Лицомъ къ пути, наискосокъ аркѣ, польская надпись на воротахъ: «Да здравствуетъ Рѣчь Посполита», а на другой сторонѣ: «Честь и родина».

Мнѣ говорятъ, что на другой сторонѣ большевицкой арки — написано: «Коммунизмъ сотретъ все границы».

«Привет трудящимся запада» — новая надпись; прежде стояло «рабочимъ». Большевики, очевидно, рѣшили, что «трудящимся» тактичнѣй.

Идемъ по рельсамъ съ комендантомъ. Никого вперед. Вдругъ ясно вижу — человѣкъ на крыльцѣ, вотъ и другой, третій въ зеленыхъ фуражкахъ — пограничники. Всматриваюсь

въ лица — молодыя, безусыя. Идемъ дальше. Польскій столбъ. — «Нейтральная зона», — объявляетъ комендантъ. Еще нѣсколько шаговъ Совѣтскій столбъ. Людей на крыльцѣ все больше. Одинъ бѣжитъ къ домику коменданта, вижу какъ стучить, что то говорить черезъ окно, комендантъ выглядываетъ. Еще два шага...

— Мы на совѣтской территоріи, спокойно заявляетъ комендантъ. Дальше идти уже не совѣтую...

Что тамъ происходитъ впереди? Право, фильмъ крутятъ съ насъ!

— Это они всегда, — говоритъ комендантъ. — Все регистрируютъ, что у насъ происходитъ. Нельзя вѣдь воспретить. Должно быть любопытно имъ, что это за штатскій стоитъ со мною передъ ихъ столбомъ.

Кончили крутить. Смотримъ другъ на друга: они и я.

— А что, если сдѣлать еще нѣсколько шаговъ?

— Арестуютъ насъ, меня то отпустить, а васъ защитить я буду безсиленъ.

Легкій вѣтеръ оттуда. Въ избѣ играютъ на гармошкѣ. Хохотъ доносится. Кругомъ тишина.

Поворачиваемъ. Не стоять же здѣсь вѣчность, глядѣть и глядѣть — словно и оторваться не можешь, — на эту несуразную избу и рельсы, уходящія вдаль...

**
*

Польскій комендантъ и совѣтскій, Прокоповичъ, виленскій слесарь, не поддерживаютъ другъ съ другомъ никакихъ сношеній. Польскимъ солдатамъ запрещено говорить съ большевиками. Когда комендантъ долженъ передать «имъ» какое нибудь сообщеніе, онъ подходитъ къ столбу, машетъ платкомъ, — къ нему выходитъ совѣтскій комендантъ, принимаетъ бумагу: отдаютъ другъ другу честь, не подавъ руки, — вотъ и все.

Раньше еще было мѣсто для встрѣчи — общая водокачка. Но теперь поляки построили свою.

— И впрямь фронтъ здѣсь у васъ, — говорю одному изъ польскихъ офицеровъ.

— Да, въ этомъ родѣ, — отвѣчаетъ онъ. — Такая здѣсь атмосфера, что ружья сами стрѣляютъ. Вотъ совсѣмъ недавно нашего солдата, на нашей же сторонѣ, ранилъ большевикъ, а потомъ заявилъ, что нашъ перешелъ границу. Обычный инцидентъ. Я служилъ на разныхъ границахъ, вездѣ общаются другъ съ другомъ. Здѣсь совсѣмъ что то особенное. А перебѣжки къ намъ попадаютъ чуть ли не каждую ночь. Трудно намъ разобрать, кто спасается, а кто ихъ шпионъ.

На большевицкой сторонѣ стоитъ рота. При ней два агента ГПУ. Они въ красныхъ фуражкахъ. Главный отрядъ ГПУ на слѣдующей станціи, въ Кайдановѣ. При совѣтскихъ поѣздахъ, которые идутъ въ Столпцы, всегда агентъ ГПУ изъ поляковъ. Поляки воспретили совѣтскимъ кондукторамъ выходить въ Столпцахъ. А то, подъ видомъ кондукторовъ, пріѣзжали шпионы.

Пошли вправо отъ польскихъ строеній. Лѣсъ, запахъ грибовъ. Дорога — «Екатерининскій трактъ». Будка, волчица на цѣпи, поймали ее тутъ въ лѣсу.

— Хорошо здѣсь жить, — говоритъ комендантъ, — ягоды, грибы, охота. Тетеревовъ, да зайцевъ хоть цѣлый день стрѣлай.

Поляки, въ буквальный смыслѣ, отгородили себя отъ большевиковъ колючей проволокой. Сотни и сотни километровъ, по всей границѣ — проволочныя загражденія.

— Смотрите, вотъ здѣсь ихъ шпионъ перелѣзъ, проволоку оборвалъ. Изъ ногана началъ стрѣлять въ нашихъ солдатъ. Успѣли пристрѣлить, никого не ранилъ.

Ходъ черезъ проволоку. Мы на другой сторонѣ. Пни. мохъ, рѣдкая трава. Впереди высокія ели, кусты и сквозь ели — небо: «тотъ» міръ.

— Только бы не сбиться, — говоритъ комендантъ. — Отъ

столба до столба — прямая линия, по эту сторону мы, а тамъ они. На насъ сейчасъ во всѣ глаза смотреть большевики.

— Да гдѣ же они? Никого не видно.

— Нашихъ тоже не видно. Хотите покажу вамъ...

Дѣлаемъ нѣсколько шаговъ назадъ. Комендантъ останавливается подъ деревомъ.

Спрашиваетъ громко, глядя наверхъ:

— Ничего подозрительнаго?

— Ничего, пане капитане, — раздается съ дерева.

Различаю среди вѣтвей солдата съ биноклемъ, — винтовка за плечами.

— И пулеметы у насъ такъ запрятаны, что никогда не замѣтите.

Табуны лошадей, — домикъ, арендаторъ живетъ: помѣщичья земля, начинаются владѣнія князей Радзивиловъ.

**
*

— Обратно поѣдете на совѣтской летучкѣ. Не безпокойтесь, въ поѣздѣ будутъ наши солдаты.

Свистокъ. Подходить поѣздъ. На вагонахъ — молоты и серпы, названія русскихъ городовъ, везутъ дерево. Медленно движется поѣздъ, медленно исчезаютъ арка, дома.

Насъ двое на площадкѣ послѣдняго вагона. Совѣтскій кондукторъ и я.

Онъ совсѣмъ молодой, лицо простодушное, симпатичное. Въ фуражкѣ съ малиновымъ кантомъ, въ кителѣ.

Нѣсколько минутъ молчанія. Какъ начать мнѣ съ нимъ разговоръ, какъ сказать все что хочется, все узнать?

— Хотите папиросу?

— Русскій вы человекъ, это хорошо...

— Русскій, но въ Россію мнѣ нельзя.

— Почему нельзя?

— Бѣлобандить я.

Кондукторъ странно глядитъ на меня.

— Что значитъ бѣлобандить? — Такой же вѣдь человекъ. Вы попросите, пустятъ..

— Такъ то это просто у васъ. Вы коммунистъ?

— Безпартійный.

— Ну какъ живется тамъ?

— Мнѣ то ничего, пасекъ у меня, а вообще голодъ будетъ. Стучать колеса — приходится кричать.

— А какъ говорить у васъ, гдѣ генераль Кутеповъ?

— Писала же наша печать — уѣхаль съ капиталомъ.

— И вы вѣрите? Вѣдь большевики похитили.

— Зачѣмъ же нашъ союзъ будетъ такія вещи дѣлать? Да и невозможно это. Французская полиція не допустила бы...

Говорю первое что приходитъ въ голову.

— Вотъ у васъ пишутъ — паны здѣсь, а у васъ коммунисты тѣ же паны.

Молчить, — не хочеть спорить, или думаетъ какъ я?

Какъ войти въ его душу — вѣдь такого случая уже не будетъ? Онъ самый обыкновенный, самый средній человекъ, этотъ кондукторъ. Никакой злобы ко мнѣ не вижу въ его глазахъ. Но страшно ему должно быть — коммунисты въ поѣздѣ.

Польскій солдатъ входитъ на площадку. Словно по взаимному соглашенію, оба мы умолкаемъ.

Столпцы. Пожимаю руку совѣтскому кондуктору.

— Хотите, возьмите русскую папиросу, — говорить онъ.
— Пріятно вѣдь вамъ будетъ покурить...

Улыбается мнѣ. Простое, русское лицо..

XI.

Вильна. — Воевода Рачкевичъ. — Политкомъ при воеводѣ. — Какой языкъ понимаютъ мужики. — Владыка Θεодосій. — Русскіе въ Вильнѣ. — Самое сильное русское сообщество въ Польшѣ. — Старообрядцы. — Семья Пимоновыхъ. — Надъ Вильной. — Старообрядческая печать.

Вильна — одинъ изъ самыхъ художественно-богатыхъ городовъ на рубежѣ новой Европы. Пышность, могучій, поистинѣ славянскій размахъ польско-литовскаго барокко и рококо наложили на Вильну свою печать. Словно застывшіе, ставшіе матеріей, грома органы — во славу католицизма, блещущаго великолѣпіемъ непримиримаго и бурнаго — порталы, купола, колоннады, плафоны и алтари костеловъ Миссіонерскаго и Бернардинскаго, св. Яна, св. Екатерины, св. Казимира, св. Петра и Павла, безчисленныхъ виленскихъ костеловъ. А можетъ быть самый могучій, самый замѣчательный костель — св. Анны, уводитъ васъ въ столь же пышную, какъ и рококо, позднюю польскую готику, — древнюю польскую культуру; будто огромные корни фантастическаго дерева, будто рукава полководныхъ рѣкъ — кирпичный его фасадъ. А то тамъ, то здѣсь — слѣды Россіи. Романовская церковь, русскіе купола, мозаика, русскіе лики святыхъ — соприкосновеніе, но не сліяніе двухъ культуръ.

Какъ странно мнѣ быть въ Вильнѣ! Каждая улица, каждый костелъ напоминають о далекихъ годахъ. Въ Вильнѣ прожилъ я шесть лѣтъ ранняго дѣтства. Съ 1906-го по 1912-ый г. отецъ мой былъ виленскимъ губернаторомъ. Неизмѣнно сохранялъ онъ хорошія отношенія съ виленскими поляками и евреями — и тѣ и другіе стараются теперь быть со мной какъ можно любезнѣй.

Швейцаръ гостиницы, гдѣ я остановился, смотреть на меня съ умиленіемъ. «Боже мой, сынъ нашего губернатора!». По старому польскому обычаю хочеть поцѣловать мнѣ руку, зоветь прислугу смотрѣть на меня.

Я не знаю, ненавидѣлъ ли онъ русскую власть, какъ якобы ненавидѣли ее всѣ поляки — врядъ ли, зачѣмъ ему, мирному швейцару гостиницы, было питать такія чувства? — Не знаю и любилъ ли онъ ее, но онъ былъ молодъ тогда и всѣмъ въ Вильнѣ жилось лучше въ довоенные годы. Вотъ и растрогался онъ потому, что я напомнилъ ему о прошломъ.

Въ староствѣ — прежеме губернаторскомъ домѣ — командируютъ курьера, спеціально, чтобы показать мнѣ помещеніе. Курьеръ тоже старый, чуть ли не готовъ онъ извиняться передо мною за то, что большую, балъную залу, гдѣ прежде были портреты императоровъ, передѣлали въ клѣтушки для канцеляристовъ. Лишь садъ оставили такимъ — какимъ былъ.

**
*

Воевода Рачкевичъ пользуется большою популярностью — любить его все населеніе, даже литовцы, которыхъ, кстати, сказать, въ самой Вильнѣ совсѣмъ мало. Онъ, гуманный, терпимый администраторъ, такимъ же проявилъ онъ себя въ бытность министромъ внутреннихъ дѣлъ. А въ прошломъ, воевода Рачкевичъ — минскій помощникъ присяжнаго повѣреннаго.

Воевода живетъ въ бывшемъ генераль-губернаторскомъ дворцѣ — историческомъ мѣстѣ, увѣковѣченномъ въ «Войнѣ и Мирѣ», — гдѣ жили Александръ I и Наполеонъ.

— Вотъ сынъ одного изъ моихъ предшественниковъ, —

любезно говорить воевода, знакомя меня со своимъ секретаремъ. — Ну, какъ нашли Вильну?

Воевода рассказываетъ о томъ, что дѣлается для поднятія хозяйственнаго положенія ввѣренной ему области. Въ ремесленной промышленности, въ льняной, въ земледѣліи, несмотря на кризисъ, уже видны большіе успѣхи, говоритъ онъ.

Но и воевода Рачкевичъ считаетъ нужнымъ заявить, что «россійскіе» въ Виленщинѣ, лишь бывшіе чиновники или эмигранты.

Впрочемъ, развѣ можетъ иначе говорить представитель польской власти...

Увы, помощникъ воеводы вовсе не похожъ на г. Рачкевича. Г. Киртиклисъ не пользуется ни у кого популярностью въ Вильнѣ. Зато пользуется безграничнымъ довѣріемъ «полковниковъ» — своего рода «политкомъ» при «спецѣ» воеводѣ.

Посажень онъ сюда специально для деруссификаціи — бѣлоруссовъ натравляетъ на русскихъ и стремится черезъ подставныхъ лицъ сломить русскую православную іерархію. Разныя темныя личности выпускаютъ листовки съ площадной бранью противъ русскаго духовенства, стараются подкопаться подъ него, требуютъ іерарховъ-бѣлоруссовъ.

И все же деревенскіе батюшки, несмотря на требованія поляковъ, силою обстоятельствъ, должны говорить проповѣди на родномъ языкѣ.

Мнѣ рассказываютъ такой случай:

Въ одномъ изъ приходовъ, въ окрестностяхъ Вильны, священникъ объявилъ о соборѣ по бѣлорусски. Мужики поняли, что отъ нихъ требуютъ пожертвованій на постройку собора и возроптали. Батюшка тогда объявилъ тоже самое по польски. Поняли, что паны за свой счетъ хотятъ построить соборъ для русекіхъ мужиковъ. Усомнились... не хитрость ли? — Обманъ какой то!

Пришлось объяснить по русски...

Но и въ Виленщинѣ подрастающее поколѣніе — русское и литовское — начинаетъ мало по малу переходить на поль-

скій языкъ. Поляки прибѣгли къ лучшему способу для распространенія своего языка среди населенія, которое прежде на немъ не говорило, — всеобщему обязательному обученію.

**
*

Свято-Духовъ монастырь, въ XVI вѣкѣ основанный, резиденція архіепископа виленскаго и лидскаго Θεодосія, бывшаго — смоленскаго и харьковскаго.

Величественный, всей внѣшностью своей — просвѣщенный, благочестивый іерархъ; и не только внѣшностью: владыку Θεодосія и русскіе и поляки признаютъ самымъ достойнымъ, самымъ ревностнымъ въ Польшѣ представителемъ православія.

Среди русскихъ святынь, подъ тѣнью густыхъ деревьевъ монастыря бесѣдуетъ со мной владыка. Онъ обласканъ польскою властью, онъ къ ней лойяленъ, но онъ выше всего несетъ знамя православія и въ сердцѣ его — Россія.

Сладостны его рѣчи, смиренныя, мирныя. Нѣтъ злобы въ его словахъ, когда говоритъ онъ о тѣхъ, кто за границей осуждаютъ автокефалію, а онъ преданъ ей и вѣритъ въ ея каноничность. Искрененъ владыка, но вѣдь и не можетъ иначе здѣсь разсуждать объ автокефаліи русскій іерархъ.

**
*

Брожу по улицамъ Вильны. Все тоже, что и восемнадцать лѣтъ назадъ. Вильна не измѣнилась, не разрослась, не украсилась. Новаго въ ней — лишь бѣдность, да тоска. Вѣдь положеніе Вильны трагическое, она въ тупикѣ, заблокированная Германіей, большевиками, Литвой — ни ввоза, ни вывоза. Литва въ 45 километрахъ, но границы нѣтъ — ея не признаютъ литовцы. Въ Литву изъ Вильны надо ѣхать черезъ Германію...

Лѣса, холмы, поля кругомъ города, озера, развалины замковъ. Замковая гора надъ городомъ, вѣщающая о вѣкахъ славы, куда подъ утро, какъ и въ русскіе годы, ѣдутъ загулявшіе

офицеры смотрѣть на восходъ солнца; тихія площади вокругъ горы, Острабрама — и на улицѣ подъ воротами, подъ чудотворной иконой, колѣнопреклоненныя крестьянки въ платкахъ, старушки съ четками; асфальтъ на Георгіевскомъ проспектѣ, нынѣ — улицѣ Мицкевича, сто метровъ асфальта, которыхъ съ гордостью показываютъ иностранцамъ; громыхающіе автобусы (нѣтъ въ Вильнѣ трамваевъ), жалкіе еврейскіе переулки и гербами украшенные порталы особняковъ...

Сняли памятникъ Екатеринѣ, памятникъ Муравьеву, на открытіи которыхъ были и видные польскіе дѣятели, мечтавшіе когда то о придворномъ званіи.

Но страшное здѣсь имя Муравьева еще красуется на одной изъ православныхъ святынь. На фасадѣ Пятницкой церкви, въ 1345 году воздвигнутой великой княгиней Маріей Ярославной, гдѣ въ 1705 году служилъ Петръ благодарственный молебень за побѣду надъ шведами и гдѣ крестилъ онъ Ганнибала, — написано, что возстановлена она была изъ развалинъ въ царствованіе императора Александра II при генераль-губернаторѣ графѣ Муравьевѣ.

**
**
**

Одиннадцать тысячъ русскихъ въ Вильнѣ. Есть и благотворительныя организаціи, есть и политическія; двѣ рускія газеты: «Наша Жизнь» и «Время», двѣ рускія гимназіи. Но отчуждены русскіе отъ жизни: съ бѣлоруссами разрывъ, съ поляками — ничего общаго, а среди самихъ — разногласія, главнымъ образомъ основанныя на личностяхъ. Забить въ свой уголъ стараются русскіе поляки, отстранить отъ всего:

Но есть въ Виленщинѣ одно сообщество, насчитывающее нѣсколько десятковъ тысячъ членовъ, которое несомнѣнно, является самымъ сильнымъ, спаяннымъ и цѣннымъ изъ всѣхъ въ Польшѣ организацій русскаго меньшинства. Это старообрядцы — мощные гребцы русской ладьи на польско-литовскомъ морѣ, русскіе люди, которые никогда не перестанутъ быть русскими. И самое, можетъ быть, замѣчательное — они не только сохранили въ Польшѣ свое лицо, но сумѣли поста-

вить себя такъ, что поляки не смѣютъ посягать на нихъ, уважаютъ ихъ, потому что видятъ въ старообрядцествѣ непоколебимую силу.

Вполнѣ лояльны они къ Польшѣ, но безъ заискиванія, безъ измѣны самимъ себѣ, какъ сила къ силѣ, которымъ волею судьбы приходится быть вмѣстѣ. Вотъ у кого бы поучиться варшавскому православному синоду...

Я у Пимоновыхъ. Десятки домовъ принадлежать имъ въ Вильнѣ, тысячи десятинъ, вокругъ города. Арс. Моис. Пимонъ — предсѣдатель Высшаго Старообрядческаго Совѣта, «старообрядческій король», — какъ называютъ его поляки. Огромныя залы съ тяжелыми портьерами, иконостасы, молитвенники: подлинныя московскіе хоромы и медлительный, патриархальный, величественный укладъ жизни. Таковы же ихъ обитатели. Словно, боярыня, сошедшая съ картины Константина Маковского — Степанида Данииловна Пимонова, на которой лежитъ вся благотворительная дѣятельность среди старообрядцевъ. А сынъ ихъ — Борисъ, талантливый организаторъ, товарищъ предсѣдателя Высш. Стар. Совѣта — выраженіе дѣйствительнаго, вѣчно обновляющагося начала въ старообрядцествѣ.

Огромныя достиженія старообрядчества. Православные только готовятся къ собору, а старообрядческая церковь уже съ 1926 г. имѣетъ статутъ. Въ стапятидесяти начальныхъ школахъ, куда ходятъ старообрядцы, преподаютъ Законъ Божій по русски. Особую азбуку, церковно-славянскую и русскую, издали старообрядцы — нельзя вѣдь учить русскій языкъ, но трудно тоже заставить учиться Закону Божьему на языкѣ, на которомъ не умѣешь читать. Такъ вотъ азбука такъ составлена, что по ней дѣти учатся и самому языку. Старообрядцы — русская твердыня въ Польшѣ. Пимоновыхъ поляки считаютъ одними изъ самыхъ именитыхъ жителей Вильны. Торжественно встрѣчали старообрядцы президента Рѣчи Посполитой, не побоялись они привѣтствовать его русскими криками, преподнося хлѣбъ-соль, облеченные въ длинныя свои озямы — и не удивился этому президентъ.

Въ такихъ же озямахъ стоятъ старообрядцы въ своихъ храмахъ: «ибо въ храмъ на молитву, каждый христіанинъ долженъ надѣть на себя длинную, скромную одежду, родъ кафтанна, называемую озымъ, а женщина, — сарафанъ, — покрывъ голову длиннымъ платкомъ. Длинная одежда надѣвается молящимися для того, чтобы отличить челоуѣка молящагося отъ занятаго житейскими печалями и заботами».

Старообрядческій храмъ св. Покрова на горѣ; тутъ же и школа «духовныхъ наставниковъ», школа пѣнія и столовая для бѣдныхъ.

Гремитъ унисонное пѣніе, «наонное» и «нарѣчное», странно однообразное, неизмѣнное въ вѣкахъ, на мотивы Іоанна Дамаскина.

Древнія ноты показываютъ мнѣ. Крюки — знаки обозначающіе длину такта. Нужно специальное обученіе, чтобы понять ихъ. Однимъ знакомъ здѣсь изображается то, что въ обыкновенныхъ нотахъ требуетъ трехъ строкъ.

Стою я надъ Вильной, словно въ Россіи, среди нижегородскихъ и московскихъ бородатыхъ крестьянъ, въ озямахъ, съ загорѣлыми, суровыми, но и ласковыми лицами, нетронутыхъ почти еще соблазнами вѣка. А внизу — купола и купола, шпицы, колоннады: пышность католицизма и блистательной польской шляхты.

Символомъ всего старообрядчества въ Польшѣ кажется мнѣ печать Высшаго Совѣта: кругомъ польская надпись, а посерединѣ, подъ осьмиконечнымъ крестомъ — древняя, церковно-славянская.

ХП

Гдыня. — Гогенцоллернская Познань. — Нѣмецкій купецъ благодушно настроенный къ Польшѣ. — Послѣдняя бесѣда на польской территоріи.

Мой путь обратно лежалъ снова черезъ Варшаву. Въ этотъ прїѣздъ я видѣлъ уже почти однихъ эмигрантовъ, дѣлился съ ними впечатлѣніями, слушалъ горестные рассказы о жизни ихъ въ Польшѣ — подъ вѣчнымъ страхомъ обыска, ареста, высылки... Вотъ для того, чтобы не причинять осложнений тѣмъ, съ кѣмъ я встрѣчался въ Варшавѣ, я въ этихъ очеркахъ не касаюсь эмиграціи. Къ тому же еѣдъ она, какъ явленіе, независима отъ общаго положенія Польши.

Поѣхалъ посмотрѣть Гдыню. Дѣйствительно, есть чему удивляться. Великолѣпный портъ, торговый и военный, огромныя полукубистическія строенія, гостиницы, банки, конторы, пляжъ... Кипѣла бы здѣсь жизнь еще больше, не будь кризиса. Много воли, много вѣры въ будущее потребовалось, чтобы создать все это, — а еще восемь лѣтъ назадъ здѣсь было лишь жалкое рыбачье мѣстечко.

Но гдѣ же это, — этотъ польскій портъ, эти торговые суда, эти миноносцы подъ бѣло-амарантовымъ флагомъ, эти постройки, краны, рычаги, гордые польскія надежды? Рядомъ

— Данцагъ, кругомъ Гдыни, въ деревняхъ — почти неслышно другой рѣчи, кромѣ нѣмецкой.

Коридоръ, — все еще кажущееся невѣроятнымъ, созданіе, — померанскіе крестьяне, ненавидящіе поляковъ... И это надежды Польши!

Пасмурно. Холодно должно быть въ водѣ. Но польскій матросъ стыдитъ меня.

— Что вы! Нельзя такъ. Или — поѣдете обратно, не окунувшись въ польское море!

Хорошій матросъ и такъ увѣренно, такъ чистосердечно онъ это говоритъ.

**

Вижу вновь настоящую Польшу: Познань, замѣчательный городъ, нынѣ все еще гогенполлернскій, тяжелый, аляповатый и чистый. Такъ подходятъ къ этимъ асфальтовымъ улицамъ и площадямъ ихъ прежнія назваія: «Бисмаркштрассе», «Каноненплянцъ». И какъ то неловко дѣлается при мысли, что вотъ и мы владѣли такими же исконно польскими городами, — а въ какомъ видѣ мы ихъ оставили и въ какомъ — нѣмцы?

Разговариваю съ познанцами — вотъ ужъ кто сплошь оппозиціонеры, — да и впрямь, какъ имъ, привыкшимъ къ прусской администраціи, быть подъ пятой «какихъ то сельскихъ учителей, да врачей безъ практики», только потому, что тѣ — бывшіе «пэовяки». Сколь отличны всетаки между собой поляки изъ Германіи, Австріи и Россіи — и какъ трудно осуществить ихъ объединеніе!

Въ старинной познанской ратушѣ, — вѣщающей о польской Познани, — невиданное явленіе: нѣтъ портрета Пилсудскаго, а виситъ огромный портретъ, всѣми позабытаго, никому уже казалось ненужнаго, Пилсудскимъ свергнутаго, президента Войцеховскаго.

**

Вотъ прогремѣла на весь міръ рѣчь Тревирануса. Тучи

надвигаются на Польшу съ запада. Вспоминается мой послѣдній разговоръ на польской территоріи, въ вагонѣ, съ нѣмцемъ-купецомъ, благодушно, въ общемъ, къ Польшѣ настроеннымъ.

— Польша имѣетъ естественно право на существованіе, — сказалъ мнѣ этотъ нѣмецкій купецъ. Ни вы, русскіе, ни мы, нѣмцы, не станемъ на нее посягать — зачѣмъ намъ дѣйствительно владѣть народомъ, который всегда будетъ противъ насъ, — лишь новыя затрудненія создадимъ мы себѣ? Польша должна существовать. Съ внутренними дѣлами справится — это все лишь отъ непривычки жить самостоятельно. Но вотъ, губить ее безумная, романтическая, столько разъ ее уже губившая гордыня, манія величія, — поэтому и озлобила Польша почти всѣхъ своихъ сосѣдей. Я, конечно, не большевиковъ имѣю въ виду. Въ прошломъ Германія и Россія во многомъ виновны передъ Польшей; но поляки, называвшіе нашу политику нечеловѣчной, теперь сами дѣлаютъ все, чтобы возстановить противъ себя нѣмецкое и русское меньшинства.

Не владѣть же Польшѣ нашими территоріями! Вспомните басню о лягушкѣ, которая захотѣла походить на вола.

Парижъ — іюль, августъ 1930 г.

Imp. de Navarre, 5, rue des Gobelins, Paris.

2,76 1987

7197

19/2

Л. Д. ЛЮБИМОВЪ

На рубежъ новой Европы

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬШИ

СКЛАДЪ ИЗДАНИЯ :
Книжный Магазинъ «Возрожденіе»
2, rue de Sèze, Paris.

ПАРИЖЪ
1930